

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-124-169
УДК 821.161.1

**Из литературной жизни
непрофильных учебных заведений
(на примере Психоневрологического института)***

© 2018, Г.В. Обатнин

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Психоневрологического института в дореволюционный период его существования как условие для выявления культурных и литературных интересов его студенчества. В этой связи рассматриваются особенности преподавательского процесса: состав профессоров, поощрявших занятия литературой и организацию студенческих кружков, отсутствие процентной нормы для евреев при поступлении и прием студентов женского пола. Особое внимание уделено студенческой прессе, живо реагировавшей на события институтской, столичной и российской жизни.

Ключевые слова: студенческая жизнь, история высшего образования, Психоневрологический институт.

Информация об авторе: Геннадий Владимирович Обатнин, PhD, доцент, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия.

E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi.

Цитирование: *Обатнин Г.В.* Из литературной жизни непрофильных учебных заведений (на примере Психоневрологического института) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 124–169.

* Пользуюсь случаем выразить мою признательность А.Л. Соболеву и Р.Д. Тименчику за ряд ценных подсказок. Фотографии из личных дел публикуются с любезного разрешения Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Писатель учится быть писателем у других писателей и в их среде обретает первый успех или терпит первый крах. К традиционным формам писательской самоорганизации — кружкам и салонам, литературным студиям, конкурсам и т.п. — после революции добавилось профильное учебное заведение, Литературный институт. Однако даже после этого непрофильные заведения не потеряли своей роли, достаточно вспомнить о поэтическом кружке ленинградского Горного института. В литературной жизни прошлого рубежа веков с ее быстрым ростом количества писателей учебные заведения сыграли определяющую роль. На слуху находятся воспитавшие будущих писателей Тенишевское училище, Шестая петербургская гимназия, Выборгское коммерческое училище, школы и гимназии в Царском селе¹, московские гимназии Брюхоненко, Ржевской или Хвостовой, известны также усилия различных общественных деятелей (вроде В. Гриневич) по организации школ с помощью знакомых литераторов, философов и ученых. Высшие учебные заведения в еще большей степени становились литературными институтами, и проект «Поэзия Московского университета», включающий и одноименную антологию (начало XX в. представлено в кн. 4 и 5, 2009–2010), и сайт (<http://www.poesis.ru/>), при всей размытости критериев отбора видится интересным начинанием. Литературная жизнь Петербургского университета в эпоху модернизма была не менее интенсивной, и она не менее изучена. Однако помимо государственной высшей школы в России того времени всё большее место занимала школа частная, и преподавательская карьера видных ученых нередко была больше связана с Народными университетами или разного рода курсами, из которых высшие женские традиционно более находились на виду. В число высших частных учебных заведений, где создалась насыщенная литературная и культурная среда, можно отнести и основанный В.М. Бехтеревым (1857–1927) Психоневрологический институт в Петербурге (далее ПСНИ), открывший двери для студентов в 1908 г. и существующий до сих пор, хотя с 1921 г. не как учебное заведение.

Природа популярности психологии и психиатрии в начале XX в., помимо историко-культурных причин, была обусловлена своего рода государственной поддержкой. Уже Г. Челпанов писал о необходимости создания экспериментальных лабораторий

¹ О царскосельской школе Е.С. Левицкой сохранила память ее «бывшая ученица» Вера Арнс, которая на юбилейном вечере 14 сентября 1910 г. прочитала стихотворение, посвященное ее символу, подснежнику, т.к. он был на формах учениц (см.: Статьи и заметки о школе Левицкой. СПб., 1912. С. 94).

в школах. В мемуарах журналиста консервативного «Нового времени» А. Ренникова (Селитренникова) находим эпизод о том, как он по заданию своего университетского профессора преподавал психологию в гимназии. Профессор (между прочим, Н.Н. Ланге, ученик самого Вундта) сообщил ему, что в гимназическую программу только что введен курс философской пропедевтики, состоящий из краткого курса психологии в седьмом классе и логики в восьмом. В самом деле, в программе на седьмой класс для мужских гимназий и прогимназий, вышедшей в 1908 г., предмет «Философская пропедевтика. Часть А. Психология» занимает 2 урока в неделю, а в восьмом классе есть и «Часть Б. Логика»². Предмет преподавался и в женских гимназиях с правами мужских, например в вышеупомянутой школе Левицкой. Однако отношение Ренникова-мемуариста к этому интеллигентскому по сути начинанию носит ироничный характер. Логику, передает он слова Ланге, и раньше в школах преподавали, а вот психологов нет, и их стали набирать из студентов историко-филологического факультета, где обучали и философии, сам Ренников закончил его после математического. Из учебников был только Челпанова, и Ренников стал преподавателем психологии, где попытался ввести университетскую систему чтения лекций вместо обычных уроков, что он, плодовитый автор юмористических романов и рассказов, красочно описал в своих мемуарах³.

Тот факт, что через Психоневрологический институт прошло много видных деятелей литературы и культуры, давно известен исследователям⁴, однако систематически это еще не рассматривалось.

² См.: Новейшие учебные планы, правила и программа с объяснительными записками мужских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения с дополнениями и разъяснениями, вышедшими по 1 апреля 1908 года. Составил Орлов. СПб., 1908. С. 135–136, 149–150. Возможно, это тот же Вл. Орлов, заведующий учебной частью в царскоевильской школе Левицкой, который в описании ее программы отметил курс философской пропедевтики («по министерской программе») (см.: Школа Левицкой с правами мужских гимназий для учащихся. Царское Село. Учебный план и программа предметов курса. СПб., 1909. С. X).

³ Ренников А. Минувшие дни. New York, 1954. С. 112–115.

⁴ Интерес к нему в этом отношении надо отсчитывать, по крайней мере, от заметки с рассказом о личных делах троих из его студентов-литераторов, Л. Рейснер, М. Кольцова и В. Финка (последний в это время еще здравствовал): *Ешушина З., Никулина Л.* В студенческие годы... // Нева. 1964. № 7. С. 219. Существовало еще одно учреждение близкого профиля, но иного типа — Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при кафедре философии Императорского Московского Университета. Он был назван так в память о внезапно почившей в 1907 г. супруги основного спонсора, коммерсанта и коллекционера Сергея Щукина, и открылся в 1912 г. (см.: *Семенова Н.* Жизнь и коллекция Сергея Щукина. М., 2002. С. 88). Кроме института, этой московской красавице и светской женщине было посвящено стихотворение Ю. Балтрушайтиса «Кольбельная песня», опубликованное в «Весах» в 1906 г. Институт был давним проектом философа Г. Челпанова: Психологическая семинария учреждена им еще в бытность его в Киевском университете,

Перечислим их имена, расположив по мере поступления в Институт, и тогда этот список откроют близкий к эсдекам литературный критик Вячеслав Полонский (Гусин)⁵, а также литературовед, будущий специалист по Льву Толстому и Белинскому Василий Спиридонов⁶. Оба они упоминаются в качестве соучеников по институту в автобиографии П.А. Сорокина «A long journey» (1963, в русском переводе выходила под названием «Долгий путь»). Будущий видный социолог недолго проучился в ПСНИ⁷ и не сделал литературной карьеры, однако первая из его опубликованных статей была посвящена именно литературе («Гамсун и Верхарн как выразители современных душ и настроений», 1911). Далее он опубликовал статью о У. Уитмене («Бард жизни», 1912) и работу «Л. Толстой как философ» (1912, 1914), написал некролог Э. Верхарна (1916) и рецензировал произведения В. Винни-

и в ней учился, в частности, Г. Шпет. Письмо Челпанова к нему от 30 ноября 1912 г. показывает, с каким энтузиазмом он относился к организованному им московскому Психологическому институту (Логос. 1992. № 3. С. 247). В предисловии к обзору деятельности Института Челпанов писал, что продолжает работу Психологического семинария при Московском университете, который философ основал при переезде из Киева в Москву в 1907 г. (Психологический Институт им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 273; отчет Челпанова был напечатан в «Психологических исследованиях», выходивших под его редакцией и занимавших весь первый том «Трудов Психологического института», 1914. Т. 1. Вып. 1–2). Прототипом для московского учреждения послужили немецкие психологические институты, осматривать которые летом 1910 г. Челпанов поехал вместе со свежензбранным приват-доцентом Шпетом. Связи Щукинского института с литературой гораздо слабее, число его семинаристов составляло обычно 50–54 человека (Психологический Институт им. Л.Г. Щукиной. С. 314–317). Тем не менее о своем пребывании в «Институте экспериментальной психологии» вспоминал К. Локс в «Повести об одном десятилетии» (Минувшее. Вып. 15. М.; СПб., 1993. С. 67–69), а 1 декабря 1913 г. там выступал С.В. Шенрок (Психологический Институт им. Л.Г. Щукиной. С. 312, 320, 324).

⁵ В.П. Гусин стал студентом ПСНИ уже в 1908 г., но летом 1911-го был выслан вместе с другим студентом в Олонецкую губернию за агитацию среди учащихся. Судя по его делу, после амнистии в связи с 300-летием дома Романовых он не раз потом делал попытки восстановиться в Институте, но, как он изложил в письме к Сергею Константиновичу (очевидно, Буличу) от 11 января 1916 г., смог это сделать лишь в 1915 г., как раз накануне его призыва в армию (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2722. Л. 7, 14, 27).

⁶ Прощение Спиридонова о приеме датировано 8 июля 1908 г. К этому моменту он уже 11 лет проработал преподавателем русского языка в Кукарской учительской семинарии в Вятской губернии, поскольку закончил Казанский учительский институт. Уволенный за неуплату осенью 1913 г., Спиридонов делал попытки восстановиться, в 1915 г. просил отсрочить выплату половины задолженности, последние его документы датируются 1916 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8922. Л. 1–2, 14–15). В статье И.А. Щурова о нем в «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1972. Т. 7. Стб. 123) ошибочно приводится иной год рождения (1878 вместо 1877), а также указано, что он закончил ПСНИ в 1914 г. Добавим, что, судя по информации в студенческой прессе, в 1912–1913 гг. в кружке им. Михайловского Спиридонов прочел доклады «Пути Л.Н. Толстого к правде» и «Жизнь и творчество С.Я. Надсона» (Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 14. С. 4).

⁷ Прощение о зачислении датировано 20 июля 1909 г., а в заявлении от 29 апреля 1911 г. Сорокин уже просил о выдаче документов (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8799. Л. 1, 5), см. также: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Архангельск, 2008. Т. 1: 1889–1922. С. 33 (текст книги доступен в интернете).

ченко⁸. Сорокин и сам был не чужд литературному творчеству: писал стихи, сохранившиеся в его архиве⁹, восемь из которых, частью под псевдонимом В. Вьюгов, были опубликованы в вологодской газете «Эхо» в 1913 г.¹⁰ В 1917 г. в «Ежемесячном журнале» В. Миролубова, где Сорокин был секретарем редакции¹¹, под псевдонимом Н. Чадаев публиковался его автобиографический и прототипический роман «Предтеча» (в котором, однако, нет ни слова об Институте).

В ПСНИ Сорокин поступил после курсов А.С. Черняева по рекомендации преподававшего там его земляка, «коми-профессора» К.Ф. Жакова. В качестве причины ухода Сорокин указал в автобиографии «глубокое нежелание быть призванным в царскую армию»¹², но в студенческом деле причиной названа неуплата¹³. Вопрос о призыве в армию, которому подлежали студенты негосударственных учреждений, остро стоял перед Институтом и не раз обсуждался на страницах студенческой печати. В этом смысле показательным делом студента Е.Д. Брука, за отсрочку которого в сентябре-ноябре 1913 г. развернулась целая кампания. Отсрочку Брук в конце концов получил «для окончания образования» до конца 1914 г., но отбывал воинскую повинность начиная с октября

⁸ См.: Питирим Александрович Сорокин (1889–1968): Биобиблиографический указатель. Сыктывкар, 2001. С. 33, 35, 38; исправленный и дополненный вариант: Библиографии трудов П.А. Сорокина // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. М., 2013. С. 480–481.

⁹ Самые ранние (из известных нам) три стихотворения включены в его дневник и датированы августом 1906 г. (ИРЛИ Ф. 863. № 8. Л. 48–49). Стихи, составившие две тетради под названием «Рифмованная ерунда», написаны между осенью 1912 и осенью 1915 гг. (ИРЛИ Ф. 863. № 5), подробнее см. в обзоре: *Дойков Ю.В.* Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 63–65 (здесь опубликовано еще одно стихотворение); ср.: «Не так давно открылась еще одна сфера деятельности Питирима Александровича этих лет — литературное творчество» (*Василенко В.В.* Некоторые штрихи к историческому портрету П.А. Сорокина // Питирим Александрович Сорокин. С. 379).

¹⁰ Перепечатаны в работе: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. С. 87–90.

¹¹ Видимо, не без его участия появилась публикация: *Люблинский П.И., проф.* Война и общественная эволюция // Ежемесячный журнал. 1917. № 1. Стб. 161–178, которая снабжена примечанием: «Речь, произнесенная на годовом акте психоневрологического института».

¹² *Сорокин П.А.* Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 58.

¹³ См., например, прошение (правда, совершенно другим почерком) от 5 апреля 1911 г. не высылать ему документы, так как к 1 мая он, возможно, будет располагать необходимой суммой для продолжения обучения; 29 апреля 1911 просит выдать его документы из-за невзноса, он «принужден выбыть из института» (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8799. Л. 4, 5). В комментарии к русскому переводу его автобиографии указана официальная причина отчисления, но ее годом назван 1910, см.: *Сорокин П.А.* Долгий путь. С. 278; основанием служит тот факт, что уже в августе этого года Сорокин был принят в число студентов Юридического факультета Петербургского университета (см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. С. 34–35). Сорокин не порывал связей с ПСНИ и далее, например, в 29 номере (19 февраля 1912) «Листка студентов психоневрологов» находим сообщение, что среди прочих он выступал в студенческом кружке им. Михайловского на тему «Михайловский и современная философия» (С. 3).

1914 г.¹⁴ В его деле хранится интересный документ: копия телеграммы от 2 апреля 1913 г. от Военного министра о предоставлении отсрочки призыва мобилизации ратникам слушателям Психоневрологического института на тех же основаниях, на коих подобные отсрочки уж предоставлены студентам прочих учебных заведений¹⁵.

Двигаясь дальше хронологически, упомянем Э.Ф. Голлербаха, чей аттестат Царскосельской Николаевской гимназии пестрит тройками, только фехтование, рисование, черчение, немецкий и закон Божий были сданы им на «отлично». Голлербах поступил в 1911 г. и пробыл студентом всего год¹⁶. Несмотря на столь недолгое пребывание в институте, это ему помогло при знакомстве с В.В. Розановым¹⁷. Голлербах учился на Основном или, как его стали называть позднее, Общеобразовательном факультете, в который в 1910 г. были преобразованы все пропедевтические курсы для остальных факультетов; обучение длилось два года¹⁸. Поэтесса М.М. Шкапская сообщала в автобиографии, что «проучилась два года на

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 115. № 2. Д. 1218. Л. 13, 45, 46–46 об., 55, 70.

¹⁵ Там же. Л. 56. С начала 1916 г. Брук устроился на службу в Харьковский комитет Всероссийского Союза городов и известил ПСНИ, что это надо считать равным отбыванию воинской повинности (Там же. Л. 63).

¹⁶ Прошение о зачислении имеет штамп о получении 29 июля 1911 г., а прошение о возврате документов помечено октябром 1912 г., здесь же удостоверение, что Голлербах состоял студентом в 1911–1912 гг. и ни в чем предосудительном замечен не был (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2436. Л. 2, 11, 12).

¹⁷ См.: «Расспрашивал о Е.В. де-Роберти и С.А. Венгерове, узнав, что я был их слушателем в Психоневрологическом институте» (Голлербах Э.Ф. В.В. Розанов: жизнь и творчество // Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Голлербаха. СПб., 1998. С. 86).

¹⁸ См.: Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В.М. Бехтерева. СПб., 2002. Ч. 1. С. 96, 100.

медфаке в Психо-Неврологическом институте»¹⁹, хотя, судя по ее студенческому делу, она лишь хотела туда поступить²⁰. Шкапская продолжила обучение за границей, для чего и испросила в канцелярии справку об обучении, зато студент Меер-Исер Мейлахович (Дмитрий Михайлович) Пинес того же 1911 года поступления вел активную студенческую жизнь²¹. Например, в студенческой газете в объявлении о начале работы семинара по эстетике, который вел проф. Е.В. Аничков, указывалось, что обращаться нужно к студенту Пинесу²². В той же газете Пинес под псевдонимами М. М-т-н и М. Мит-н²³ поместил перевод из Люциана Риделя под названием «Проклятие слезам», а также перевод «Из Яна Каспровича» — недаром он окончил шесть классов частного реального

¹⁹ *Шкапская М.М.* Вторая автобиография (1952) // Шкапская М.М. Час вечерний: Стихи. СПб., 2000. С. 172. Ее первая автобиография опубликована лишь в выдержках, но и там есть указание на «два года медицинского факультета» (Письма А.Е. Адалис к М.М. Шкапской / Публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее. 1993. Вып. 13. С. 323).

²⁰ См. справку в том, что она в 1911/12 и 1912/13 учебные года состояла слушательницей Основного факультета, ее студенческую книжку, а также заявление 1913 г. о том, что она остается на Основном факультете, хотя хотела на медицинский (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Ед. хр. 10765. Л. 7, 11, 24). Не исключено, что Шкапская, в девичестве из Андреевская, поступала, чтобы не разлучаться со своим мужем, студентом Петербургского университета.

²¹ Среди личных дел студентов ПСНИ числится пятнадцать Пинесов обоего пола. Прошение о зачислении искомого датировано 23 августа 1911 г. Он исправно вносил плату до осени 1916 г., когда был уволен за неуплату, однако 1-м января 1917 г. помечено его прошение в канцелярию об удостоверении, что он состоит студентом, для предоставления в Институт истории искусств (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7312. Л. 3, 16, 13). В статье В.Г. Белоуса отчасти на основании анкеты арестованного ОГПУ Пинеса сообщается, что он закончил юридический факультет ПСНИ в 1917 г. и после женился на студентке медицинского отделения того же института Р.Я. Мительман, позднее расстрелянной в один день с мужем (*Белоус В.Г.* «Ближайший и многолетний сотрудник мой по историко-литературным работам». О Дмитрие Михайловиче Пинесе (1891–1937) // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публ. и исслед. / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб., 1998. Вып. II. С. 219, 226). К этому стоит добавить несколько фактов из ее личного дела: Рахиль Янкелевна родилась 22 марта 1892 г., закончила саратовскую женскую гимназию М.И. Островской-Горенбург, поступила в Институт в 1912 и уже в 1913 подала прошение о зачислении на Медицинский факультет, сделала перерыв в обучении на 1917 г., в январе 1918 вышла замуж за Пинеса (в деле лежит прошение равнину о выдаче для этого метрического свидетельства и расписка в получении) и с осени того же года вернулась к учебе. В 1922 г. она уже из Института Медицинских знаний (как стал называться ПСНИ) получила удостоверение о звании врача за подписью Бехтерева и размером с добрую афишу (ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 6413. Л. 2, 16, 21, 28, 41).

²² Хроника // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 2, 9 окт. С. 2.

²³ Псевдонимы учтены в словаре И.Ф. Масанова, причем второй в варианте «М. Митин». Не исключено, что псевдонимы были сообщены составителю самим Пинесом, см. его дарственную надпись Масанову, сделанную в сентябре 1931 г. на «Словарном указателе по книговедению» А.В. Мезьер: «...с сердечной жадной / скорее получить от него / том его любимых / псевдонимов (без них же нам нельзя жить и работать!)» (см.: *Эльзон М.Д.* I. Об авторстве «Русской поэзии в русской музыке» Игоря Глебова. II. Об одном инскрипте на «Словарном указателе...» А.В. Мезьер // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. СПб., 1994. Вып. 4. С. 179); об участии Пинеса в составлении словаря Масанова говорится и во вступительной статье к другой публикации М.Д. Эльзона: De profundis (Письма Д.М. Пинеса к А.Н. Римскому-Корсакову) // Там же. С. 129.

училища в Варшаве²⁴. Кроме того, там же под первым из псевдонимов он поместил стихотворение «Но всё же жизнь всегда прекрасна...»²⁵ и под ним же отдельно издал рассказ «Исход» (1911).

Точный год поступления Анны (Аси) Лиена (в замужестве Лацис), будущей актрисы, театрального режиссера, спутницы немецкого теоретика театра Б. Райха и собеседницы В. Беньямина, неизвестен, так как ее студенческое дело в архиве института не сохранилось. Но по ее мемуарам можно предположить, что это было между 1912 и 1914 гг. Несмотря на то, что, подобно Голлербаху и Шкапской, Лацис училась только на Основном факультете, свои воспоминания о 1918 г. она начала с упоминания ПСНИ: «<...> деятельность театрального режиссера не удовлетворяла меня. Самым важным для себя в эти суровые, полные лишений годы я считала работу с детьми, оставшимися без родителей. Помочь в этой работе мне должны были и знания, полученные в Бехтеревском психоневрологическом институте»²⁶. Во время обучения в институте Лацис жила интенсивной культурной жизнью и, очевидно, питала революционные симпатии, но о контактах между нею и учившейся в те же годы Ларисой Рейснер нам ничего не известно. Отец Рейснер, будучи оппозиционным профессором-правоведом, состоял на службе в ПСНИ, и в ее студенческом деле сохранился трогательный документ: недатированное машинописное письмо к нему от заведующего учебной частью профессора А.В. Гервера, где сообщалось, что вакансия для его дочери будет оставлена. Впрочем, Рейснер в протекции совершенно не нуждалась, поскольку закончила гимназию с золотой медалью (о чем свидетельствует и аттестат), и легко поступила в институт в 1912 г., где продолжила обучение в 1915 на юридическом факультете, начав проходить его программу сразу с пятого семестра²⁷. Литературная и общественная деятельность семьи Рейснер достаточно известна, обратим лишь внимание, что в незаконченном прототипическом романе писательницы «Рудин» (такое же название носил и издаваемый в 1915–1916 гг. ее отцом журнал) появляются персонажи из институтского быта, его профессора, а также некоторые студенты и сотрудники²⁸.

²⁴ Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 11, 9 нояб. С. 1; 1914. № 29, 12 марта. С. 1. Оба перевода доступны в интернете: <http://www.vekperevoda.com/1887/pines.htm>

²⁵ Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 28, 8 марта. С. 1. Стихотворение опубликовано в составе работы: Стихи филологов. I. Дмитрий Пинес (<http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149906.html>), <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149510.html#cutid1>; здесь же обнародованы еще четыре стихотворения Пинеса 1920-х гг. из его фонда в РГАЛИ).

²⁶ Лацис А. Красная гвоздика: Воспоминания. Рига, 1984. С. 7.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 7917. Л. 2, 5, 6.

²⁸ См. об этом подробнее: Рейснер Л. Автобиографический роман / Вступ. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской. Характеристика источников Т.Г. Динесман. При-

Один из некрологов Л. Рейснер в 1926 г. был подписан именем И. Ильинского. Из него недвусмысленно явствует, что автор имел отношение к Институту и присутствовал на выступлении не названного в тексте по имени П. Сорокина:

Я помню тогдашнюю Ларису, окруженную архивными юношами. Их утомленные научными трудами глаза тускло поблескивали под стеклами очков, а лысины просвечивали под искусными начесами проборов. Молодые ученые наперебой старались блеснуть перед Ларисой своими знаниями, достижениями, похвальными отзывами знаменитостей и всем, чем полагается блистать человеку, стоящему на прямой дороге к магистратуре, доцентуре и профессуре. Лариса Рейснер слушала их вежливо и почтительно, с беглыми искорками смеха в серых глазах. На одном заседании семинара по социологии при Психо-Неврологическом Институте читал доклад некоторый молодой ученый, впоследствии профессор Петербургского университета, автор многотомной «Системы социологии» (вышло из печати всего два тома). Теперь он читает в Миннесотском университете в Америке и печатается на английском языке. Докладчик был бесспорно талантлив, но сверх всякой меры накопленная эрудиция подавляла не только слушателей, но и его самого. Английские, французские, итальянские авторы строились шпалерами, вступали в бой за свои точки зрения, бомбардировали друг друга тяжеловеснейшими цитатами и терминами, из которых «кумулятивный коллективный агрегат» был еще относительно невинным. Затем они в порядке маршировали прочь и очищали место для теории докладчика, которая заполняла все пробелы и устраняла все противоречия. Получалось очень внушительно. После доклада и прений состоялся просто дружеский обмен мнений, и докладчик поинтересовался «мнением Ларисы Михайловны». Она, не поднимая длинных ресниц, скромно сказала, что доклад блещет редкой ученостью, но референт упустил из виду работу Штолля и Шмидта о демографических комплексах или о чем-то в этом роде. Воспламененное самолюбие докладчика вынудило его ответить, что он, правда, не упоминал работы Штолля и Шмидта, но знаком с нею и не думает, чтобы она давала что-нибудь особенное по сравнению с трудами Тенниеса и новой американской школы. Секрет лежал в том, что Штоллер и Шмидт были владельцами производства и оптовой торговли аптекарскими товарами и ничего

меч. Н.А. Такташевой // Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. М., 1983. С. 195–196, 253–254. Ученик М.А. Рейснера, попавший в роман его дочери под именем Ursin, был студентом с литературной фамилией Тоцкий (Николай Максимович, см. расшифровку прозвища: Там же. С. 251). Личное дело Тоцкого в архиве ПСНИ не сохранилось, однако известно, что он делал доклад с интригующим названием «Роль внушения в политической демагогии» в 1911–1912 учебном году в просеминарии Рейснера по философии права, см.: Справочная книжка о Психо-неврологическом институте за 1912–1913 уч. год. СПб., 1912. С. 198.

более; эти честные люди никогда ничего не издавали, кроме разве преис-курантов санитарно-гигиенических принадлежностей и патентованных медикаментов. Не знаю, открыл ли когда-нибудь эту тайну ученый докладчик; может, и по сие время отыскивает выдающийся труд Штолля и Шмидта в каталогах антиквариатов и карточных языках университетских библиотек²⁹.

Настоящее имя автора уже нам знакомо — это тот самый Елья (Илья) Давидович Брук (1892–1938), видный эсер, автор работ по советскому праву (статей «Категория законности и справедливости в советском праве», 1926; «Язык закона», 1927; книги «Право и быт», 1925, и др.), который попутно интересовался и литературой³⁰. Брук-Ильинский поступил в Институт в 1910 г. на юридический факультет и проучился всего год, но осенью 1912 г. уже был арестован за организацию рабочей группы эсеров³¹. Таким образом, событие, описанное в приведенных выше мемуарах, скорей всего,

²⁹ *Ильинский И.* Памяти Ларисы Рейснер // Печать и революция. 1926. Кн. 3, апр.-май. С. 68–69; фрагмент перепечатан под названием «Граненный талант» в кн.: Лариса Рейснер в воспоминаниях современников / Сост., примеч. и вступ. ст. А. Наумовой. М., 1969. С. 119–120. Надо полагать, что название аптекарской фирмы Рейснер запомнила со времени ее проживания с родителями в Германии, а по поводу злоупотребления Сорокиным терминологией можно вспомнить ехидную шутку о стиле преподавания К. Жакова, напечатанную в «бальном» номере «Листка студентов психоневрологов»: «Предлагается запомнить с одного разу: Эволюция есть интегрирование дифференциальных тенденций вследствие воле-энергетического потенциала и координация и согармонирование этих интегралов (по Жакову)» (Листок студентов психоневрологов. 1912. № бальный, 2 февр. С. 10). В 1912 г. Жаков выпустил книгу «Основы эволюционной теории познания (Лимитизм)».

³⁰ См., например, его статью «Правовые мотивы в творчестве Бабеля», посвященную творчеству бывшего студента-юриста того же Психоневрологического института (Красная новь. 1927. № 7. С. 231–240). Его именем подписана также статья о М.А. Рейснере в «Энциклопедическом словаре Гранат» (Т. 36. Ч. 1. Стб. 338–343). Отметим, что в ряде справочников Ильинский в указателях смешивается со знаменитым актером или же с писателем. Даже в «Энциклопедии репрессированных авторов» его имя обозначено как Игорь, хотя здесь это, видимо, ошибка набора (*Матышев А.А.* Энциклопедия репрессированных авторов. СПб., 2016. Т. IV. Ч. 2. С. 565–566). Судя по материалам дела, по специальности при советской власти устроился и еще один писатель-выпускник ПСНИ Моисей Янкелевич Скороход (Скороходов; 1892–?), поступивший на Юридический в 1914 и получивший выпускное свидетельство в 1917 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8632. Л. 7, 32). Указанием на него мы обязаны А.Л. Соболеву.

³¹ Несмотря на свою революционную деятельность, Брук был старательным студентом-юристом. Поступив в ПСНИ в 1910 г. и уйдя ненадолго осенью 1912 г. (в прошении от 7 октября в качестве причины указан запрет на проживание в столице), Брук уже с зимы 1913 г. продолжил аккуратно проходить курс наук (он и гимназию с серебряной медалью закончил), хотя заканчивал институт — судя по его прошению о документах в 1926 г. (с целью представления в Казанский университет) — в 1918 г. экстерном, выбыв осенью 1917. Кроме того, весной 1914 г. он сдавал экзамены на степень кандидата прав в Варшавском университете, причем в прошении в Институт о зачете от 25 августа 1914 г. пояснял: «Сдав 13 экзаменов (почти все на пять), я вынужден был, по причине крайнего переутомления, отказаться от сдачи остальных» (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1218. Л. 9, 20, 22, 35, 49, 52, 58).

могло состояться той же осенью, так как Рейснер поступила в ПСНИ в конце сентября³². Именно начало учебного года, судя по всему, стало пиком активности не только Ильинского-революционера, но и Ильинского-студента. Не исключено, что он был тем студентом И. Ильинским, что выступал 23 сентября 1912 г. со словом памяти почившего летом Н.Ф. Анненского в кружке им. Михайловского³³ и принял участие в качестве студенческого представителя в заседании Совета института 25 сентября 1912 г. (в списке студенческих представителей в протоколе заседания, отчет о котором появился 26 сентября, он фигурирует как Брук³⁴). Однако автором помещенного под этим именем в 1914 г. в «Жизни студентов-психоневрологов» стихотворения, видимо, является другой человек³⁵.

Из знакомых студентов Рейснер по институту надо также упомянуть поэта, будущего конструктивиста и теоретика стиха А.П. Квятковского. Личное дело его не сохранилось, однако он упоминается в студенческой прессе, увы, только среди лиц, не вернувших ссуды³⁶. В связи с Рейснер должен быть упомянут

³² На прошении о зачислении стоит штамп канцелярии о получении 29 сентября (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7917. Л. 2). О своем общении с Сорокиным Рейснер писала родственникам приблизительно в то же время, см. фрагмент письма: *Пржиборовская Г.* Лариса Рейснер. М., 2008. С. 97. Логичным будет предположить, что роман Рейснер создавался не без оглядки на уже опубликованный к началу ее работы роман Сорокина «Предтеча»: оба автобиографических и прототипических текста используют в качестве материала одну и ту же профессорско-студенческую среду.

³³ Листок студентов психоневрологов. 1912. № 3–4. С. 8. Впрочем, в кружке принимал участие и И.А. Ильинский (Справочная книжка. С. 213), но, возможно, здесь опечатка, нередкая в этом издании.

³⁴ Имена остальных представителей также (частично) совпадают: это Соколовский, Гребенщиков, Малицкий, Лурье, Стариков, см.: Листок студентов психоневрологов. 1912. № 5–6. С. 4; № 8–9. С. 7.

³⁵ *Брук В.* «Шум и лязг, и звон железный...» // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 25, 26 февр. С. 3. Среди сохранившихся стихотворческих дел на шестнадцать Бруков нет ни одного с тем же инициалом. Предположим, однако, что Бениомир-Шлиома Симонов Брук мог транскрибировать свое имя как Вениамин. Тогда этот студент-юрист, закончивший петербургскую гимназию и поступивший в институт летом 1913 г., через месяц после опубликования стихотворения подал прошение об отсрочке оплаты за обучение (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1225. Л. 19).

³⁶ Например, в списке за 1911 г.: Листок студентов психоневрологов. 1912. № 36, 12 марта. В биографической справке в новейшем переиздании его трудов на основании, видимо, семейных данных говорится: «Осенью 1911 г. Квятковский поступил на словесно-исторический факультет Петербургского психоневрологического института. Курс лекций по литературе там вел знаменитый в те годы профессор Каллистрат Фалалеевич Жаков, зырянин (коми) по происхождению, русский писатель и филолог, давший Квятковскому импульс к занятиям поэзией и литературной теорией <...> В 1914–1915 гг. при Институте возник литературный кружок “Академия поэзии”, в который входили поэты — Г.В. Маслов, Вс.А. Рождественский, Д. Майзель <так!>, Ю.Н. Верховский, в их числе студенты института — Н.А. Адуев, Л.М. Рейснер, А.П. Квятковский. Кружок посещали мэтры Федор Сологуб и Сергей Городецкий. В “Академию” Квятковского, вероятно, вовлек Адуев, с которым у него была впоследствии долгая, несколько десятилетий, дружба; оба они в 20-е гг. стали членами группы конструктивистов» (*Квятковский Я.* Краткая биография

и другой студент Основного факультета, Вивиан Азарьевич Итин, прозаик и поэт из Сибири, который ныне считается основателем сибирской литературы (поступил летом 1912 г. и уже в прошлом указал, что позже намерен выбрать юридический факультет)³⁷.

Самым известным прозаическим произведением Итина считается утопия «Страна Гонгури», в то время как литературный путь другого студента, Абрама Рувимовича Палея, который выступил сначала как поэт, перебивавший символистские мотивы (сб. «Бубен дня», 1922), привел его к фантастике. В его воспоминаниях о Венгерове есть большой фрагмент о Психоневрологическом институте, который начинается фразой: «В 1916 году я приехал в Петроград в качестве студента психоневрологического института»³⁸. Между тем его студенческое дело начато годом раньше, причем, судя по студенческой книжке, он пробыл в институте до осени 1917 г. Не находит основания и его утверждение, что после Основного факультета он поступил на юридический: напротив, прослушав в течение двух семестров лекции по медицине в Женевском университете (прилагается и сертификат из лаборатории аналитической химии), он и пытался

автора // Квятковский А.П. Ритмология. СПб., 2008. С. 701). Сразу скажем, что личное дело Николая Альфредовича Рабиновича, писавшего под псевдонимом Адуев, в архиве Института не сохранилось; неизвестны нам и другие источники, подтверждающие существование такого кружка, перечисленные члены которого входили в действительно собиравшийся в 1915–1916 гг. при Петроградском университете Кружок поэтов (см. справку: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 83; подробнее о творчестве некоторых из участников: *Тименчик Р.Д.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим, 2017. С. 115–125, 465, а также упоминание имени Квятковского в списке участников Кружка в мемуарах В. Рождественского: *Богомолов Н.А.* «Проект “Акмеизм”» // НЛЮ. 2002. № 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/akmeiz.html>).

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 3875. Л. 21. Его учеба в институте, в том числе и на основании студенческого дела, подробно освещена в журналистской биографии: *Яранцев В.* Вивиан Итин. Гражданин страны Гонгури // Мосты. 2015. № 45. С. 248–259. См. также предисловие его дочери Л.В. Итиной к изданиям: *Итин В.* Стихи. 1912–1937. Минск, 2007. С. 5–10; *Мостков Ю.* Путь Вивиана Итина // Итин В. Страна Гонгури: Сб. повестей. Новосибирск, 1983. С. 3–15; *Итина Л.В., Ямайкин В.Е.* Вивиан Итин. Проза поэта // Итин В.А. Сибирские повести. Минск, 2012. С. 3–15. В последней работе сообщается, что повесть Итина «Открытие Ризля» читалась на заседаниях студенческого литературного кружка в 1915–1916 гг. (С. 4). Как название его первого стихотворного сборника, «Солнце сердца» (Новониколаевск, 1923), так и особенности поэтики свидетельствуют о его ученичестве у символистов. В фантастическую повесть «Страна Гонгури» вставлено стихотворение, очевидно, автобиографического главного героя Гелия, написанное, по его словам, когда он был студентом в Петербурге. Оно заканчивается знакомой всякому специалисту по Вяч. Иванову цитатой из Данте: «Любовь бессмертная мира иного, / Что движет солнце и все светила» (*Итин В.А.* Сибирские повести. С. 34). Отношения с Рейснер отразились в посвящении ей стихотворения «Солнце сердца» (*Итин В.* Стихи. 1912–1937. С. 57; см. также в этом издании четыре ранних стихотворения из ее архива, с. 11–14).

³⁸ *Палей А.Р.* Встречи на длинном пути: Воспоминания. М., 1990. С. 6.

поступить на медицинский, однако получил отказ³⁹. В том же 1915 г. в институт поступил Моисей Хаимович Фридлянд, в дальнейшем взявший себе в качестве литературного псевдонима имя Михаил Кольцов. Будущий классик ранней советской поэзии и редактор возрожденного «Огонька» после окончания Основного факультета в 1916 г. поступил на медицинский, откуда уволился весной того же года, испросив отпуск с 1 мая по 1 сентября, но продолжая осенью вносить плату. Правда, в деле осталось датированное сентябрем 1917 г. прошение о выдаче документов и вида на жительство, но последнее документальное свидетельство его пребывания — записка с сообщением о призыве в армию в 1919 г.⁴⁰ Своего институтского преподавателя П. Сорокина Кольцов позже встретил в довольно экстравагантных обстоятельствах — в московской ЧК, куда тот пришел сдаваться после длительной облавы на него:

В этот момент в приемную вошел человек и поздоровался со мной. Это был один из моих студентов из Психоневрологического института.

— Что вы делаете здесь? — спросил я.

— О, я заведующий отделом информации и связей с общественностью Министерства иностранных дел, — ответил он гордо. — Вы читали в газетах статьи Кольцова? Это мой псевдоним.

Я сказала, что читал, и он поинтересовался, что я о них думаю.

— То же, что и о вашем правительстве, — ответил я⁴¹.

Однако Сорокин мог обратить внимание на своего студента и ранее, поскольку сам печатался в двухнедельнике «Путь студенчества», где Фридлянд помещал обзоры студенческой прессы и статьи о студенческой жизни⁴². В одной из них остро критиковался устав учрежденного Психоневрологическим институтом частного Петроградского университета, принятый в 1916 г.: «Произошло то, чему всеми силами противились остатки организованного студенчества и к чему стремилось подавляющее большинство профессуры в контакте с нахлынувшей в последние годы волной “обновленной” учащейся молодежи. Из Царского Городка изгнана

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7118. Л. 5–5 об., 19, 37, 40. В Петроград Палей приехал из своего родного Екатеринослава, причем, судя по свидетельству о благонадежности, которое было адресовано для предоставления в Новороссийский университет, он колебался в выборе высшего учебного заведения.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 3875. Л. 6, 10 об., 13, 31, 32.

⁴¹ Сорокин П.А. Долгий путь. С. 158–159.

⁴² См., например: Фридлянд М. Студенческая пресса в 1915 г. // Путь студенчества. 1916. № 1, февр. Стб. 22–30; Фридлянд М. «Блажен, кто верует» // Путь студенчества. 1916. № 4, 20 окт. С. 6–7.

не успевшая расцвести Свободная русская Школа, дорогое наследие Лесгафта, Ковалевского и де-Роберти⁴³, а на место ее водворена фабрика дипломов, учебное заведение, по своей конструкции гораздо более уродливое, чем самые казенные образцы, по которым оно было сотворено». Сетую на «разрушение стройного здания студенческой автономии», Фридлянд обращал внимание на приметы этого: «Как некий феникс из пепла восстает процентная норма для евреев, упраздняется и закрывается совет студенческих представителей, большинство научных кружков; выбрасываются за стены *alma mater* на улицу даже такие, безобидные в смысле “потрясения основ” организации, как кооператив и землячества, запрещаются собрания студентов, вводится принудительная сдача дополнительных экзаменов для студентов, не имевших счастья получить классического образования...»⁴⁴. К 1916 г. Институт состоял из научной и учебной частей. Научную часть составлял ряд входивших в Институт научно-исследовательских учреждений. Учебная часть представляла собой высшее учебное заведение под наименованием «Частный Петроградский университет», реорганизованный в мае 1918 г. во 2-й государственный Университет⁴⁵.

Летом 1915 г. прошение о зачислении сразу на четвертый курс Юридического факультета подал Исаак Манеевич Бобель, более известный по своему близко звучащему псевдониму⁴⁶. Бабель поступил в ПСНИ после двух учебных заведений в Одессе и Киеве и сразу подал прошение о зачете сданных (в основном на «хорошо» и «отлично») там предметов. Курса обучения Бабель, однако, не окончил, и в его студенческом деле сохранилась датированная 21 февраля 1917 г. справка от врача Охтенской пригородной

⁴³ Все трое были к этому времени покойными.

⁴⁴ Мих. Ф. Психоневрологический институт // Путь студенчества. 1916. № 4, 20 окт. С. 18, 19. Рядом была помещена заметка, подписанная криптонимом Ро, «К истории процентной нормы в психо-неврологическом институте», где вина за введение ее в устав нового Петроградского университета возлагалась на совет ПСНИ, поскольку именно ему было отдано решение этого вопроса министром просвещения Игнатьевым, заявившим однажды, что процентная норма в частном учебном заведении может не соблюдаться (Там же. С. 19).

⁴⁵ Видимо, это позволило авторитетному историку психологии и его соавтору называть ПСНИ Психоневрологическим университетом, см.: Ярошевский М.Г., Даниличева Н.А. Первый в мире научно-учебный центр человековедения (К истории Петербургского психоневрологического университета) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 4. С. 82–88. Разумеется, профессорский состав при этом оставался прежним, см., например, о преподавании одного из историков и теоретиков государственного права: Андреев И.В. Жизненный финал М.Я. Острогорского // Общество — Язык — Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. М., 2008. Т. 2. С. 10–12.

⁴⁶ Студенческое дело Бабеля уже попадало в поле зрения его биографов (см.: Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. М., 2008. С. 29–30).

управы, что он «нуждается в специальном и длительном лечении в санатории»⁴⁷. Не закончил институт и другой писатель, Виктор Гершович (Григорьевич) Финк, который поступил туда после обучения в Сорбонне (окончил в 1912 г.) и службы в Иностранном легионе (август 1914 — июль 1915), и, как и Бабель, сразу на четвертый курс Юридического факультета. Здесь он обучался «в течение осеннего и весеннего полугодий 1916–17 уч. г. и осеннего полугодия 1917–18 уч. года», уволившись, по стандартной формулировке, «по собственному прошению и за невзнос платы» в июле 1918 г.⁴⁸ Несмотря на то, что его дело одним из первых привлекло внимание исследователей, сам Финк в мемуарных текстах обходился вниманием свою учебу в Психоневрологическом институте⁴⁹. А меж тем Институт вступился за него, когда на очередном переосвидетельствовании в августе 1917 г. его, имевшего два ранения и контузию на французском фронте (за что он получил чин фельдфебеля), признали годным к строевой службе⁵⁰.

Лекции в институте посещала «бестужевка» и позднее студентка женского медицинского института Маруся Заболоцкая, будущая вторая жена М. Волошина, которая вспоминала: «Ходили мы также и в Психо-Неврологический институт, там я слушала психологию. Профессора тогда были особенные: Павлов, Бехтерев, Ковалевский, Златогоров — имена-то какие! Корифеи!» В конце концов она в 1910 г. (по данным В.П. Купченко, составившего летопись ее жизни) перешла в институт, но не смогла продолжить обучение, так как оказалась в долгах за квартиру⁵¹. Поэт и прозаик Михаил Александрович Фроман, по сведениям Т.Л. Никольской, после гимназии в Ташкенте и учебы в Германии учился в Петроградском психоневрологическом институте, но его студенческое дело также

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. Л. 3, 12–12 об., 16. См. датированное тем же числом прошение Бабеля об отпуске без зачета текущего семестра ввиду болезни, плата внесена (Там же. Л. 30).

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 9696. Л. 3–3 об., 6, 8, 21.

⁴⁹ Например, в мемуарах о Бабеле Финк указал, что познакомился с ним в Петрограде в 1917 г. (см.: *Финк Л. Я многим ему обязан // И. Бабель: Воспоминания современников. М., 1972. С. 143*). Оба они в то время были студентами ПСНИ, и трудно представить, чтобы этот факт не всплыл при знакомстве или при дальнейшем общении, особенно если принять во внимание, что до того оба закончили Одесское коммерческое училище.

⁵⁰ См. машинописную копию письма в Министерство Народного Просвещения от 18 августа 1917 г. с ходатайством об отсрочке, а также копию письма от 15 октября в воинское присутствие с сообщением, что Институтом возбуждено дело об отсрочке, копии нескольких французских документов в заверенном переводе на русский и копию письма в институт из министерства о предоставлении отсрочки Финку до окончания обучения 1 июня 1918 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 9696. Л. 16, 32).

⁵¹ Мария Степановна Волошина о Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма. Феодосия; М., 2004. С. 74, 75, 313.

пока не обнаружено⁵². Думается, в дальнейшем найдутся и другие литераторы, чья биография была связана с ПСНИ.

Очевидно, что пребывание в Институте имело в судьбах этих людей разное значение и литературное самоопределение порой шло рука об руку с политическим. В Институте получили образование многие избудущих политиков и деятелей революции. В автобиографии Сорокин указывает на И.Т. Смилгу и комиссара Ш.З. Элиаву, исследователи добавляют к этому С.Г. Рошала. В свете нашей темы стоит упомянуть Марию Михайловну Иоффе⁵³, сотрудницу издательства Вольфа, а позже секретаря Бюро печати Совнаркома⁵⁴ и жену председателя Брестской мирной делегации. Еще ближе к литературе стоял Александр Яковлевич Аросев, деятель РСДРП, комиссар и советский чиновник от культуры, дебютировавший как писатель накануне революции. Его настойчивому желанию поступить в ПСНИ всё время что-то мешало. Впервые он подал прошение о зачислении в 1911 г., потом возобновил в 1914, не дождался ответа и вновь попросился в 1915; наконец, в августе 1916 г. поступил, но в декабре того же года был взят в армию, точнее в 4-ю Московскую школу подготовки прапорщиков пехоты (и, кстати, потерял взнос за обучение)⁵⁵. Выбыл он из числа студентов 30 августа 1918 г., а 10-м октября того же года датирован его запрос на бланке Н.К. по В.Д. и Главного управления Рабоче-Крестьянского Красного Военного Воздушного Флота. Комиссар Аросев был недоволен количеством ошибок в его свидетельстве об учебе и возмущенно заявлял: «я не иудейского вероисповедания, а православного»⁵⁶.

⁵² См.: *Фроман М.* Избранное. СПб., 1997. С. 3.

⁵³ Информация о ней (с фото включительно) в том или ином виде восходит к биографической справке, помещенной на задней странице обложки ее ярких мемуаров о пребывании в ГУЛАГ'е «Одна ночь» (в ссылках, тюрьмах и лагерях Иоффе провела с 1929 по 1957 г.), где указано, что она училась в Психоневрологическом. Если предположить, что девическая фамилия Иоффе была Вольф, то ее студенческое дело сохранилось. Дочь петербургского присяжного поверенного, 1896 года рождения, поступила на Общеобразовательный факультет через два года после окончания гимназии Л.С. Таганцевой в 1913 г. и уволилась по собственному прошению 1 декабря 1917 г., перестав вносить плату уже с весны 1916 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1787. Л. 5, 6–6 об., 9, 12, 14, 15; ее документы по доверенности должен был получить студент Ю.М. Брамсон — наверняка Юрий Моисеевич, дело которого также сохранилось в архиве института).

⁵⁴ Об этом есть мимолетное упоминание в ее воспоминаниях: *Иоффе М.* Одна ночь: Повесть о правде. Нью Йорк, 1978. С. 37.

⁵⁵ Ему (75 рублей) тоже не повезло, так как он пришел с пометой, что он от «Арона», и Аросеву пришлось писать объяснительную. Уже из армии Аросев делал попытки вернуть эти деньги (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 283. Л. 3, 13, 14–14 об., 16).

⁵⁶ Там же. Л. 5.

В работах, посвященных вышеперечисленным деятелям, не раз попутно даются характеристики Института, их легко найти и в интернете⁵⁷. Но основную идею можно резюмировать с помощью удачной фразы из неопубликованной автобиографии Голлербаха (1938), которую цитирует комментатор собрания его творений: институт был «самым свободным (и самым бесправным) учебным заведением»⁵⁸. Организации Института посвящено отдельное исследование М.А. Акименко (ученый секретарь психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, хранитель его мемориального музея) и А.М. Шерешевского в трех небольших томах⁵⁹. Однако уже в работах более общего плана были обозначены две важнейшие стороны популярности ПСНИ: действительными слушателями могли быть люди обоего пола⁶⁰, и процентная норма для лиц еврейской национальности для частных учебных заведений не действовала⁶¹. По форме труд Акименко и Шерешевского представляет собой сборник документов, сопровождаемых богатым иллюстративным материалом и подстрочными комментариями, а также повествовательными фрагментами. Идея институтов для изучения морфологии нервной системы и патологий мозга была выношена международной ассоциацией академий наук, но конкретно русский институт Бехтерев предложил основать в 1904 г. Прошло целых три года разных согласований, 9 июня 1906 г. институт был учрежден как высшее научное и учебное заведение, указ об открытии был подписан Николаем II в июне 1907 г., а реально институт открыл двери для студентов в феврале 1908 г., отчего первый набор в дальнейшем получил наименование «февралистов». Был разработан учебный план, дотолем нигде не существовавший, в основу которого было положено изучение психологии и неврологии на основе гуманитарных наук как имеющих дело с психологией, в этом состояла основная идея Бехтерева⁶². Это хорошо описано в мемуарах А.Р. Палея:

⁵⁷ См., например: *Асса Новикова. «Психология революции»: «самый вольный институт» в эпоху мятежей*. URL: <https://newtonew.com/higher/most-free-institute>.

⁵⁸ *Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления*. С. 451.

⁵⁹ *Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В.М. Бехтерева*. СПб., 2000–2002. Первая, наиболее нас интересующая часть была издана уже в 1999 г., но в 2002 г. вышло ее второе, дополненное и переработанное издание. Вторая часть охватывает раннее советское время, третья посвящена послевоенным годам, они были опубликованы в 2000 и 2001 гг. соответственно.

⁶⁰ Ср. в мемуарах А. Лацис: «Девушкам разрешалось учиться еще в одном институте — Бехтеревском психоневрологическом, на общеобразовательном факультете, который я и предпочла <...>» (*Лацис А. Красная гвоздика*. С. 28).

⁶¹ См., например, в монографии: *Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века*. М., 1991. С. 112–113.

⁶² См. также: *Ярошевский М.Г., Даниличева Н.А. Первый в мире научно-учебный центр человековедения (К истории Петербургского психоневрологического университета) // Вопросы истории естествознания и техники*. 1995. № 4. С. 84–86.

Это было весьма оригинальное высшее учебное заведение, и название отнюдь не дает полного представления о его подлинном характере. То был настоящий университет с различными факультетами — как естественческими, так и гуманитарными. Только университет не государственный, а основанный общественными организациями. Программы и порядок обучения в нем были направлены на то, чтобы воспитывать не узких, а всесторонне образованных специалистов. Поэтому курс обучения продолжался на год более, чем в государственных университетах, и был составлен следующим образом.

Чтобы закончить медицинский факультет, требовалось не пять, а шесть лет. Первый курс был общеобразовательным — будущие врачи проходили гуманитарные предметы.

Программа юридического факультета укладывалась не в четыре, а в три года — за счет интенсивности занятий. Но перед этим надо было пройти два годовых курса общеобразовательных предметов. Будущие юристы знакомились также с анатомией, физиологией, только в объеме не медицинских факультетов, а фельдшерских школ⁶³.

В самом деле, например, Шкапская сдала на Основном факультете экзамены по биологии, неорганической химии, социологии и психологии⁶⁴. В литературе уже обращалось внимание на то, что стихотворение Ларисы Рейснер «Песня красных кровяных шариков», опубликованное в пятом номере журнала «Рудин», — след ее ученичества у Бехтерева⁶⁵; добавим к этому, что и стихотворение «(Отрывок из лекции по биологии)»⁶⁶, очевидно, написано под впечатлением обучения на Юридическом факультете, где читался этот предмет⁶⁷.

Справедливости ради заметим, что такой подход одобрялся не всеми профессорами, в том числе из преподавателей института. Например, Бодуэн де Куртене опубликовал в журнале «Путь студенчества» статью под названием «Фармацевты-философы», где критиковал именно широту программы ПСНИ на основном факультете и особенно на фармацевтическом отделении. Зачем будущим фармацевтам терять столько времени на историю философии, социологию и высшую математику? — задавался он вопросом. «Всего понемножку. Дать слегка понюхать верхушки самых разнообразных наук, для того, чтобы развести

⁶³ Палей А.Р. Встречи на длинном пути. С. 6.

⁶⁴ См. список предметов Основного факультета: Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В.М. Бехтерева. С. 101.

⁶⁵ Пржиборовская Г. Лариса Рейснер. М., 2008. С. 96.

⁶⁶ Богема. 1915. № 1. С. 4.

⁶⁷ Справочная книжка. С. 207.

в головах невообразимую кашу, — и это для глупого стремления к принудительному, так называемому общему образованию. Если и войдут в голову какие-либо знания, то они вскоре испарятся, и, после громадной массы убитого времени и потраченной умственной энергии, останется в голове лишь туманное общее представление, останется не только никому не нужное, но даже просто вредное всезнайство и верхоглядство»⁶⁸. Общее образование, по мнению де Куртене, надо получать добровольно, на летних курсах и в народных университетах, а обществу нужны специалисты.

Находясь в ведомстве Министерства Просвещения, Институт был частным, содержался на деньги от имущества, на деньги пациентов и на плату, взимаемую с учеников. Как и в других учебных заведениях, часть средств поступала от сборов и пожертвований от мероприятий, устраиваемых в том числе в провинции. Например, в деле студента Г.В. Крылова сохранилась машинописная копия извещения о том, что супругой Егермейстера двора Его Величества А.К. Наумовой 7 января 1913 г. в Самаре был устроен вечер в пользу студентов-специалистов, выручку от которого предлагалось распределить между студентами ПСНИ — выходцами из Самары (Крылову причиталось 50 рублей)⁶⁹.

Здание, в котором проходила основная деятельность Института, находилось на углу улицы 1-го Луча и Казачьего переулка (когда-то здесь квартировал Лейб-гвардии Казачий полк), т.е. в одном из труднодоступных районов города. В стихотворении Сусанны Укше под названием «Из окна Психоневрологического института» окружающий его индустриальный пейзаж превращается в вообразаемый:

Я так люблю, когда над полем снежным
Вдали зажгутся огоньки,
И поле кажется тогда безбрежным,
Как воды вешние реки.

Какою призрачной, ажурной рамой
Вдруг станут трубные леса,
А их дымок — старинной знатной дамы
Напудренные волоса <...>⁷⁰

⁶⁸ Куртене Б. де. Фармацевты-философы // Путь студенчества. 1916. № 2–3, май. С. 3.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4933. Л. 11. Такой способ поддержки земляков был достаточно распространен, например, на Бестужевских курсах. Впрочем, в их архиве, в отличие от ПСНИ, хорошо сохранилась деловая и бухгалтерская корреспонденция.

⁷⁰ Укше С. «Стихов серебряные звенья...»: Избранное. М., 2007. С. 46. Сусанна Альфонсовна Укше (1885–1945), секретарь проф. В.В. Святловского, близко стояла к семейству Рейснер, где давала уроки иностранных языков, выведена под именем Козлик в незаконченном автобиографическом романе Л. Рейснер «Рудин» (см. коммент.: Лите-

Шуточное стихотворение под названием «Наша alma mater», помещенное за подписью Первокурсник в студенческой газете «Листок студентов психоневрологов», было снабжено иллюстрацией, на которой несколько закутанных женских фигур бредут одна за другой по тропинке в заснеженном поле в сторону чернеющего на горизонте неприветливого здания:

Есть в столице уголок,
Забывтый шумным светом.
Это — «Царский Городок»,
Воскресший прошлым летом.

*

Вон тянется забор,
За ним — громады-зданья,
Вокруг обширный двор,
Где юные снуют созданья. <...>⁷¹

Приведем еще одно живописное стихотворное описание, автор которого скрылся под псевдонимом Амен:

Там, где с улицы Казачьей
Пересекается первый луч;
Там, где небо вечно плачет
Из-за низких серых туч;
Там, где конка паровая
Черепаший держит путь;
Где страшна пора ночная
И вселяет в сердце жуть;
Где полей и огородов
Протянулась полоса;

ратурное наследство. Т. 93. С. 259). С 1922 г. жила в Москве, где была близка к группе «Литературный особняк» (так называемым «московским акменстам»), входила также в кружок «Зеленая лампа». На допросе ОГПУ по делу этого кружка 25 июня 1927 г. сообщила о себе, что закончила курсы Раева, а также экономическое отделение Петербургского коммерческого института в 1910 г. и в 1913 — юридический факультет университета. «До войны 1914 года работала в Петербурге помощником заведующего экономическим кабинетом при Психоневрологическом институте» (см.: *Виноградов В.* Глазами ОГПУ // *Независимая газета.* 1994, 20 апр. С. 5; наше внимание к этой публикации было привлечено кн.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. С. 74, 453–454). В автобиографии начала 1921 г., сохранившейся в архиве Рейснер, она сообщала, что работала также при кафедрах уголовного права, уголовной социологии и уголовной антропологии при профессорах Гернете, Гогеле и Шапове, а с 1916 г. состояла библиотекарем института, прослужив в нем в общей сложности пять лет (см.: *Алехина Е.В.* «Мой путь был труден и жесток...» // *Укше С.* «Стихов серебряные звенья...». С. 7, 192).

⁷¹ Листок студентов психоневрологов. 1912. № бальный, 2 февр. С. 2.

Где лишь фабрик и заводов
 Выдаются корпуса;
 Где с панелей слишком узких
 Никогда не сходит грязь;
 Где печать порядков русских
 В чистоте отозвалась;
 Там, где царственные лужи
 Красят «Царский городок», —
 Там случайно обнаружил
 Я опасный уголок⁷².

Отметим, однако, что упоминаемый в стихотворении Царский городок представлял собой задуманный на рубеже веков амбициозный правительственный план по облагораживанию этой части города за Невской заставой, именно от него остались названия улиц Первого и Второго Луча⁷³. Таким образом, ПСНИ должен был оказаться в энергично развивающейся городской среде. О строительстве новых зданий Института сообщалось в прессе:

Психо-Неврологический институт, являющийся одним из самых молодых ученых и высших учебных заведений Петербурга, за короткое время своего существования приобрел широкую популярность не только среди учащейся молодежи, массами заполняющей аудитории института, но и среди различных слоев общества. Президент института академик В.А. Бехтерев не только поставил новое учебное заведение на должную научную высоту, но и привлек многих жертвователей, на деньги которых психо-неврологический институт обзаводится ныне собственными зданиями. В этих зданиях будут помещаться, кроме института, педологический институт и клиники для алкоголиков и эпилептиков. Они сооружаются за Невской заставой, в местности, известной под названием «Царский Городок», на участке земли, дарованном институту кабинетом Его Величества. Вся площадь земли занимает свыше 30 тыс. квадратных сажень. На этом участке под главным руководством архитектора Р.Ф. Мельцера строятся четыре больших корпуса. <...> Средства на сооружение зданий образовались из субсидий Министерства финансов и внутренних дел, а также из частных пожертвований: Л.А, И.И. и Л.И. Алафузовых, В.Д. Зимина,

⁷² Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 14, 20 нояб. С. 8.

⁷³ См. в мемуарах А. Палея: «Помещался институт на далекой окраине Петрограда, именовавшейся Царским Городком. Доехать туда можно было либо дачным (понынешнему — пригородным) поездом, либо паровичком. Паровичок, связывавший Царский Городок с центром Петрограда, был прямым потомком конки, которую я уже не застал» (*Палей А.Р.* Встречи на длинном пути. С. 7).

М.П. и П. Скоропадских, К.Ф. Головина и др. Торжественная закладка состоялась 1 октября, в 1 ч. дня. <...> Часть строящихся зданий уже доведена до крыши⁷⁴.

Кроме новаторской программы занятий еще одним секретом успеха был преподавательский состав⁷⁵. «В Бехтеревском, — вспоминала А. Лацис, — было немало талантливых преподавателей. Профессор Аничков вел семинар по философии, читал лекции о Вагнере, Шопенгауэре, Ницше. Захватывающе интересно рассказывал о “Веселой науке” и “Рождении трагедии” Ницше. Профессор Лазурский вел общую и экспериментальную психологию. Время от времени он давал одному из нас “психологическую характеристику”, советовал, от каких черт характера избавиться, какие развивать. Введение в философию читал профессор Сперанский, на мой взгляд, манерно и, пожалуй, излишне красноречиво. Профессор Рейснер вел курс медицинской психологии. Психиатр-криминалист, он часто прибегал к театральным приемам. Избран для анализа “Братьев Карамазовых”, Рейснер назначил студентов на роли Черта и Ивана Карамазова, Защитника и Прокурора, устроил “театрализованный суд”. На такого рода лекциях-семинарах развивалась наблюдательность, умение логически мыслить»⁷⁶. Преподавательский состав Института, зачастую состоявший из оппозиционных профессоров (М.А. Рейснер, М.М. Ковалевский), поощрял интерес к современной литературе. Уже на заседании Совета ПСНИ от 16 октября 1908 г. решили устраивать публичные лекции, для чего была создана комиссия из проф. А.В. Гервера, М.М. Ковалевского, В.Н. Сперанского, Е.В. Тарле, а также из преподавателей К.Ф. Жакова, Л.М. Пуссера и Д.В. Фельдберга⁷⁷. Именно в рамках этого проекта в ноябре 1908 г. там выступал А. Блок с лекцией об Ибсене, оставшись, правда, весьма недовольным приемом⁷⁸.

⁷⁴ Торжество психо-неврологического института // Исторический вестник. 1910, нояб. С. 797–799. О других зданиях ПСНИ, где начиналась его работа и преподавание, см.: *Незванов Н.Г., Акименко М.А., Коцюбинский А.П.* Школа В.М. Бехтерева: От психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. СПб., 2007. С. 38–40.

⁷⁵ Списки профессорского состава на разных этапах существования Института с биографическими характеристиками см.: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 28–29, 36, 63, 107, 125.

⁷⁶ *Лацис А.* Красная гвоздика. С. 28–29.

⁷⁷ Протокол опубликован: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 84.

⁷⁸ В письме к матери поэт назвал слушателей «фармацевтами», а сам институт «поддельным высшим учебным заведением», см. подробнее нашу заметку: *Обатнин Г.* Блок в «Бродячей собаке» // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 499–501.

Литературу, а также логику и многие другие предметы уже с осени 1907 г. преподавал К.Ф. Жаков, тогда же был избран и С. Булич, профессор Петербургского университета, ученик Бодуэна-де-Куртене (преподававшего в ПСНИ церковно-славянский и польский языки) и отец будущей поэтессы Веры Булич. Еще один университетский профессор, С.А. Венгеров, вел в Институте «Семинар по изучению Пушкина». Открытое в 1910 г., т.е. через два года после одноименных университетского семинара и семинара на Бестужевских курсах, венгеровское детище широко рекламировалось среди студентов. Несмотря на то, что формально он работал на Словесно-Историческом отделении Педагогического факультета, его могли посещать студенты всех факультетов. Перед началом занятий Венгеров прочел три двухчасовые лекции «Введение в пушкиноведение», заседания семинара тщательно протоколировались для последующих поколений, а двадцать шесть тем, подготовленных Венгеровым в 1911 г. для занятий, снабженные краткими пояснениями и списком литературы, занимали весь номер студенческой газеты⁷⁹. В «бальном» номере «Листка студентов психоневрологов» было помещено анонимное стихотворение и карикатура на профессора:

Ищут сути в умных книжках,
 Глурых книжек не читая,
 Разбираются в интрижках,
 Род поэта изучая;

Под научным будто светом
 В тайны «текста» проникают
 И по средам над поэтом
 Мессы черные свершают⁸⁰.

Об этом семинаре и его основателе вспоминал А. Палей:

Я поступил на юридический факультет. Русскую литературу читал С.А. Венгеров. Аудитория на его лекциях была переполнена:

⁷⁹ Справочная книжка. С. 202–203; Листок студентов психоневрологов. 1911. № 12, 20 нояб. Возможно, статья под названием «Н.И. Гнедич и театр (1833 г. — 3 февраля — 1913 г.)», подписанная «Александр И.» (Отклики нашей жизни. 1913. № 17, 6 февр. С. 2), также родилась в кругу этого семинара.

⁸⁰ Листок студентов психоневрологов. 1912. № бальный, 2 февр. С. 7. В самом деле, «Род Пушкина» был первой темой, которую Венгеров предложил для семинаристов, доклад по ней делал студент Яковлев (Справочная книжка. С. 202; заметим, что в университетском семинарии был свой Н.В. Яковлев, будущий известный пушкинист). Возможно, это был один из шести Яковлевых, дела которых сохранились в архиве института.

он пользовался большой популярностью и как выдающийся исследователь литературы, и как увлеченный лектор — это увлечение передавалось слушателям. Приходили студенты со всех факультетов, с разных курсов.

Обрамленное черной бородой лицо профессора напоминало портреты Фета. Мимика его была очень выразительна, черные глаза сияли, когда он, внимательно глядя на свою аудиторию, словно бы обращался к каждому слушателю в отдельности.

Читал нам Венгеров вовсе не то, что было в учебнике. Конечно, мы должны были сдать определенный курс. Но профессор считал, что мы и сами можем читать по книгам историю литературы, нам же на лекциях рассказывал о своих текущих работах в области пушкиноведения. Это необычайно углубляло наш интерес к литературе. Даже студенты младших курсов начинали постигать, что история литературы, как и всякая история, — предмет непрерывно развивающийся.

Столь же интересен был и пушкинский семинарий, который Семен Афанасьевич вел у нас, как и в университете, где он также был профессором.

Далее, перечисляя заслуги Венгерова, Палей добавлял: «Был инициатором издания “Словаря языка Пушкина” и начал эту работу еще в бытность мою студентом психоневрологического института. Мы, группа его учеников, приняли в ней участие на подготовительной стадии: по его указаниям заполняли карточки, я присылал их ему из Екатеринослава»⁸¹.

Философию в институте преподавал Валентин Сперанский, поощрявший женское творчество: еще в 1913 г. он прочел в Москве в Политехническом лекцию «Женская судьба». Подобно преподавателям Царскосельского лицея профессор принимал участие в текущем журнальном процессе (назовем имена С.Л. Франка, Е.В. Аничкова, Л.П. Карсавина, А.С. Яценко). М.А. Рейснер печатался в «семейном» литературном журнале «Рудин», но стоит указать также на близко стоявшего к его семье

⁸¹ Палей А.Р. Встречи на длинном пути. С. 7–9 (первая публикация: Палей А.Р. Выдающийся деятель книги // Альманах библиофила. 1975. Вып. 2. С. 58–60). Ср. об участии в этой работе студентов других Пушкинских семинариев Венгерова в 1910 г.: «Предложение Семена Афанасьевича нашло живой отклик в студенческой среде. Немедленно же была образована редакционная комиссия, выработавшая под общим руководством Семена Афанасьевича “Программу составления словаря поэтического языка Пушкина”, и университетский семинарий деятельно приступил к разнесению на карточки словарного материала. В следующем академическом году к работе присоединился и Пушкинский семинарий Бестужевских курсов. Составление словаря продолжалось с перерывами до 1916 г. <...>» (С. Б<онди>). О Пушкинском словаре (Справка) // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922. С. XXXVI).

профессора В.В. Святловского, экономиста, социалиста и поэта (два сборника стихов «Седые города» и «Янтари», вышедшие в 1916 и 1917 гг.), прототипа профессора Веселовского из автобиографического романа Л. Рейснер. Профессором ПСНИ стал и другой поэт, Вячеслав Иванов, получивший из канцелярии Института следующее письмо:

25 апреля 1912 г.
Милостивый Государь

Советом Психо-Неврологического Института в заседании 19 Апреля с.г. Вы избраны преподавателем Института по кафедре классической филологии, и о чем имею честь Вас известить.

Президент Института
Академик Бехтерев
Ученый секретарь
Профессор Гервер⁸².

Кафедры классической филологии в Институте до того не было, однако нужда в знании древних языков студентами ощущалась. Несмотря на то, что латинский язык преподавался уже на Основном факультете проф. И.Н. Холодняком (он же вел «римскую литературу» на четвертом курсе Педагогического факультета), место преподавателя греческого языка было вакантным⁸³. Кроме того, студенческие дела пестрят справками о сдаче латыни в различных учебных учреждениях: Голлербах, будучи выпускником училища, сдавал ее в Царскосельской гимназии, А.М. Аронович для этого ездил с братом в Москву, Фридлянд-Кольцов — во второй Петербургской гимназии⁸⁴. Приглашение Иванова, видимо, должно было улучшить преподавание латыни, необходимой для медиков и юристов, но и отвечало потребности в древних языках для продолжения учебы в других заведениях (например, на Историко-филологическом факультете университета требовалось также знание древнегреческого⁸⁵). Однако этому проекту не суждено было осуществиться — в мае 1912 г. писатель уехал с семьей за границу.

⁸² НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 46. Л. 1, на бланке; машинопись, подписи — автографы.

⁸³ Справочная книжка. С. 187.

⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2436. Л. 3; Д. 330. Л. 31–31 об.; Д. 9788. Л. 14.

⁸⁵ См. уведомление министра народного просвещения П.М. Кауфмана от 30 июня 1906 г. (Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге: XIX — начало XX века. Сборник документов. СПб., 2000. С. 311).

Чрезвычайно информативная книга Акименко и Шерешевского посвящена истории института на административно-профессорском уровне, авторы не ставили целью спуститься на уровень студенческой жизни, а меж тем ее характер также был одной из важных причин появления такого букета имен. Студенческое мнение сыграло значительную роль даже в организации Института, в котором сначала были не факультеты, а секции, и это не давало возможности приравнять его программу к университетской. Именно по просьбе студентов секции преобразовали в факультеты (с 1908–1909 учебного года), причем на Педагогическом факультете открыли словесно-историческое отделение. П.А. Сорокин, оставленный в 1914 г. в качестве ассистента при кафедре социологии и успевший начать преподавание в ПСНИ в 1915–1916 гг.⁸⁶, в автобиографии указал на то, что студенты института, в отличие от университетских, были более активными и революционно настроенными⁸⁷. Система обучения, принятая в ПСНИ, по его мнению, способствовала развитию самостоятельности: не требовалось обязательного посещения курсов, семинаров и зачетов, зато в конце каждого семестра устраивался экзамен, а май и июнь были отведены на экзамены по курсам всего года. Таким образом, можно было быстро освоить материал по трудам профессоров в подходящем темпе, составив более гибкую программу занятий, и стимулом служил собственный интерес, а не контрольные работы⁸⁸. Он же упоминает о насыщенной культурной жизни, которую вели студенты, посещая музеи, картинные галереи, выставки (объявления об этом в самом деле можно найти в институтской студенческой прессе), а также принимая участие в литературных и музыкальных кружках. Судя по «Справочной книжке о Психо-Неврологическом институте на 1912–1913 уч. год», последние создавались по инициативе студентов, но должны были пройти легализацию Советом института и получить руководителя из числа преподавателей, которые нередко потом сами в нем выступали. В 1912–1913 уч. году функционировало

⁸⁶ Дойков Ю. Птирим Сорокин. С. 95, 128. Биограф уверенно пишет, что не только Кольцов, но и Бабель прослушал курс Сорокина «Механика человеческого поведения».

⁸⁷ Ср. также в мемуарах Б.Е. Райкова рассказ о том, как студенты предупреждали проректора о сходах: *Ярошевский М.Г., Даниличева Н.А.* Первый в мире научно-учебный центр человековедения. С. 87.

⁸⁸ *Сорокин П.А.* Долгий путь. С. 54–55. Сорокин, по его словам, самостоятельно прошел годовой курс Л. Петражицкого за две недели. Трудно отделаться от мысли, что изобретение Никуличевым, главным и, очевидно, автобиографическим героем романа Сорокина, пилюль под названием «уморуд», которые восстанавливали нервную энергию, потерянную при интенсивном обучении, несет привкус личной мечты писателя. Многие из студентов проходили курс Основного факультета за год вместо двух (как Р.Я. Мительман).

восемнадцать студенческих кружков: Педагогический (руководители А.Ф. Лазурский и К.И. Поварнин), Литературный кружок им. Н.К. Михайловского (С.А. Венгеров), Историко-Философский (К.Ф. Жаков), Философско-Экономический (И.В. Чернышев), Философско-Социологический (Е.В. де-Роберти), Кружок по теории познания (К.Ф. Жаков), Научно-Литературный (Н.И. Коробка), Психологический (А.А. Крогиус), Кружок по изучению религии и нравственности (К.М. Аггеев), Кружок всемирной сказки (К.Ф. Жаков), Кружок «Грузинской филологии» (Л.В. Щерба), Кружок по изучению «монизма» (С.О. Грузенберг), Кружок по изучению философии Шопенгауэра (он же), Кружок любителей литературы (С.А. Венгеров), Кружок Esperanto (И.А. Бодуэн-де-Куртенэ), Художественно-музыкальный (Д.В. Фельдберг), Кружок физического образования (Д.М. Цвет) и Кружок шахматистов под руководством всё того же трудолюбивого Жакова⁸⁹. Добавим упоминавшийся выше кружок по изучению современной художественной литературы, руководителем которого был Е.В. Аничков⁹⁰. Правда, судя по списку прочитанных докладов, не все они были деятельны в равной степени.

Отдельно нужно сказать о студенческой прессе. Институт издал свой взрослый «Вестник», однако и «Листок студентов психоневрологов» пользовался некоторой известностью. Например, Лев Никулин вспоминал, что первое письмо, которое он получил от Ларисы Рейснер в 1913 г., «касалось редакционных дел одного журнала, издававшегося студенческим кружком психоневрологического института»⁹¹, и только второе — дел журнала «Рудин», который плохо распространялся Контрагентством Суворина. На самом деле выходило последовательно три печатных органа, но имя Рейснер под известными псевдонимами нам на страницах всех трех изданий не встретилось ни разу.

⁸⁹ Справочная книжка. С. 212–222. На начальном этапе деятельности ПСНИ функционировало всего четыре кружка: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 78.

⁹⁰ См. статью, где его организация обосновывалась необходимостью изучать современную жизнь: Никулин. Жизнь и творчество // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 4, 16 окт. С. 2; см. также хроникальную заметку: Кружки // Там же. С. 4. В статье, появившейся через номер и явно принадлежавшей тому же автору, предлагался круг тем и вопросов для обсуждения в будущем кружке, из них восемь тем по символизму (в т.ч. «Форма и язык символизма»), а также «темы сравнительного изучения» (вроде «Андреев и Э. По») и, разумеется, «половой вопрос» и «классовое самосознание» у современных писателей (*И. Н-н.* Кружок по изучению современной литературы и эстетических течений в ней // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 6, 23 окт. С. 4). На 5 марта 1914 г. в кружке был анонсирован доклад Аничкова «Пророк, делец и рабочий» (см. объявление: Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 26, 1 марта. С. 4).

⁹¹ *Никулин Л.* Записки спутника. Л., 1931. С. 8.

Первым был «Листок студентов-психоневрологов», имевший подзаголовок «Газетка студентов и слушательниц Психоневрологического института» (октябрь 1911 — октябрь 1912). Его редактор-издатель Михаил Кузьмич Костин (род. 1886) был из числа «февралистов», поступив в ПСНИ после окончания Пензенского реального училища; уволенный за неуплату с осени 1909 г., он вернулся в 1910 г., избрал естественно-историческое отделение педагогического факультета и, судя по сохранившемуся в его деле сопроводительному письму при высылке его документов, окончательно ушел из института в 1913 г.⁹² Основной целью «Листка» было помочь студенту, особенно приезжему, разобраться в студенческой жизни, в нем большей частью печатались сведения о лекциях, программах на семестр и прочая необходимая информация. Издание весьма полезной и не раз упоминавшейся на этих страницах «Справочной книжки» было осуществлено именно силами редакции «Листка», и, помимо информации об устройстве Института, она содержала также описание трамвайных маршрутов Петербурга с ценами за проезд.

Второй студенческий орган, газета «Отклики нашей жизни», выходила с сентября 1912 по октябрь 1913 (23 номера), и пухлое дело ее ответственного редактора Рафаила Александровича Иваницкого свидетельствует, что он жил насыщенной студенческой жизнью. Одногодок Костина, Иваницкий (см. фото ИЛЛ. 2) также был из раннего набора, поступил в 1909 г., но, будучи поповичем, сделал это после общеобразовательного курса Тифлисской духовной семинарии и других учебных заведений. Сначала он учился на медицинском факультете, но потом сменил дисциплину, пошел в семинар проф. Рейснера, где среди прочего делал доклад об австрийском императоре как примере просвещенного абсолютизма. Судя по документам, в 1914 г. он одновременно поступал и в СПб. Университет на юридический, и в Николаевское кавалерийское училище. Любопытно, что в деле сохранилась копия удостоверения о том, что он был делегирован на похороны Льва Толстого⁹³. Один из номеров газеты 1912 г. открывался помещенным в траурную рамку стихотворением, посвященным, очевидно, двухлетней годовщине со дня смерти писателя:

⁹² См. копии свидетельства и аттестата об окончании училища, заявление Костина, а также постановление об увольнении (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4750. Л. 3–4 об., 8, 9, 11).

⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 3704. Л. 57. Первая годовщина смерти Толстого была отмечена 6 ноября 1911 г. вечерним собранием в Институте под председательством Венгерова (см.: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 210–211).

Л.Н. Толстой
7-го Ноября 1910 года

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! пред именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени⁹⁴.

Идея почтить Толстого знаменитой цитатой из поэмы Н.А. Некрасова «Медвежья охота», обращенной к Белинскому, могла принадлежать как раз Иваницкому. Отметим, что в качестве автора Иваницкий появился уже в «Листке студентов психоневрологов», написав по меркам этого органа огромную, на пять страниц, статью-отповедь без заглавия (т.е. как редакционную) некоему Г. Лосиантхевели, поместившему в газете «Мнотоби» в Кутаиси отрицательную статью о ПСНИ⁹⁵. Автор утверждал, что теперь мало принимают вольнослушателей, так как, по мнению старост, это ведет к «профанации науки». Сам Иваницкий приводит пример того, как группа вольнослушателей обратилась к одному профессору-философу с просьбой, чтобы он читал популярно. Иваницкий рассуждает о том, что не всякая дисциплина поддается популяризации (как, например, философия Канта), но социология тоже требует подготовки. В качестве отрицательного примера упрощения Иваницкий упоминал лекции проф. Шершеневича в Ун-те Шанявского в Москве в 1909 г.⁹⁶ Сам Иваницкий был родом из Кутаиси и учился в народном ун-те им. Шанявского, что объясняет как попадание в его руки грузинской газеты, так и аргументацию. На

⁹⁴ Отклики нашей жизни. 1912. № 12, 6 нояб. С. 1.

⁹⁵ Листок студентов психоневрологов. 1911. № 11, 16 нояб. С. 1–5.

⁹⁶ Наблюдения Иваницкого прозвучали незадолго до смерти известного профессора-юриста, общественного деятеля и отца поэта-футуриста, этого будущего имажиниста, см.: «Университет в феврале и августе 1912 года понес утрату в лице двух скончавшихся выдающихся по научным и общественным заслугам профессоров П.Н. Лебедева и Г.Ф. Шершеневича» (Московский городской народный Университет имени А.Л. Шанявского. М., 1912. С. 95; в 1911–1912 учебном году Шершеневич вел семинарий по гражданскому праву, специализируясь на наследственном праве, см.: Отчет Московского Городского Народного Университета имени А.Л. Шанявского за 1911–1912 академический год. М., 1912. С. 40–42). Отметим, что давно задуманный Народный университет открылся в тот же год, что и ПСНИ, 1 октября 1908 г., причем некоторые из лекций читались даже в помещении Литературно-Художественного Кружка (С. 30). Сближает эти два учреждения и то, что в их организации самое непосредственное участие принял М.М. Ковалевский. По наблюдениям историка, за «урожайные» 1908–1909 г. открылось 13 негосударственных учебных высших заведений (Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. С. 100).

статью Иваницкого бурно возражали, и это составило содержание нескольких номеров «Листка»⁹⁷.

Второй студенческий печатный орган возник как оппозиция первому⁹⁸. Отчасти поэтому осенью 1912 г. разгорелся конфликт между «Листком» и «Откликами», который занимал умы студентов и страницы этих изданий, поскольку за ними стояли две студенческие идеологии, «автономистов» (под которой понималась независимость от текущей политической жизни) и студентов-активистов. В 47 номере была помещена статья-ответ на статью Иваницкого в 46 номере «Листка», посвященную автономизму⁹⁹. Автором был И-ль, который незадолго до того опубликовал статью «Мысли и дела», где сетовал

⁹⁷ Дело дошло до того, что Совет студенческих представителей на заседании 2 октября, оскорбленный заявлением Иваницкого, даже постановил привлечь его к студенческому суду (Листок студентов психоневрологов. 1912. № 10. С. 5).

⁹⁸ Статья Р.А. Иваницкого «Несколько слов по поводу издания "Откликов"» прямо начиналась с вопроса: «Зачем вторая студенческая газета?», и ответ состоял в том, что в первой фальсифицируется мнение студентов, которое играет большую роль ввиду «исключительной позиции» ПСНИ (Отклики нашей жизни. 1912. № 2, 3 окт. Стб. 4–6).

⁹⁹ И-ль. Маска сорвана! // Листок студентов психоневрологов. 1912. № 47, 8 мая. С. 1–4. Борьба с автономистами обострилась еще раз, весной 1914 г., в связи с противостоянием правым и антисемитским настроениям институтского студенчества, подогретыми «делом Бейлиса». В марте студент медицинского факультета Ильинский с группой товарищей напал на студентов-евреев, и событие попало в столичную прессу, см. отклик: М.С. Б-м. «Семейное дело» (Открытое письмо) // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 32, 22 марта. С. 1–2. На следующей странице этого выпуска была помещена статья, посвященная решению студентов Саратовской землячества ограничить членство в нем студентам правых организаций, в том числе и «автономистам». Иваницкому, который ассоциировал позицию «автономистов» с кадетами или в крайнем случае с «октябристами», а также прочим пришлось отстаивать свою точку зрения, причем Аронович в процессе даже вышел из состава редакции «Листка», а из числа членов группы был изгнан некий сотрудник «Нового времени». Попутно выяснилось, что «Листок» печатался в типографии по рекомендации некоего видного члена кадетской партии. Заканчивалась статья знакомым призывом: «Господа, сорвите маски! Ведь всем видно, что вы штрейкбрехеры» (см.: Н.Е. По поводу выступления Иваницкого // Там же. С. 2). Отметим, что газета с тревогой следила за появлением в большой печати информации об антисемитизме в студенческой среде, см. неподписанную заметку по поводу статьи в «Современном слове» («Ложа антисемитов» в Психо-Неврологическом институте // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 29, 12 марта. С. 1). См. также протест против поведения группы студентов ПСНИ, пославшей письмо в поддержку гражданским истцам по «делу Бейлиса» Замысловскому и Шмакову, а также прокурору Випперу (В. Студентки новой формации // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 17, 30 нояб. С. 3).

на индифферентизм студентов и постепенную потерю «Листком» своего значения¹⁰⁰.

Однако нас все-таки больше интересует литература в этих изданиях, т.е. в первую очередь отклики на текущий процесс, а также, хоть и в меньшей степени, произведения самих студентов. Упомянем несколько случаев того и другого. В «Листке», первом студенческом издании, которое явно было задумано с практической целью, литературы не было вовсе, кроме шуточных стихов из «бального» номера 1912 г., но в «Откликах» она постепенно заняла существенное место. Появился отдел библиографии, где сначала рецензировалась только студенческая пресса, вроде сборника «Голос политехника». Его вел студент-юрист родом из Двинска, семинарист М.А. Рейснера и секретарь семинария К.Ф. Жакова по теории познания, Александр Моисеевич Аронович (1892 г.р.), поступил в 1910 г. после окончания Двинского реального училища и получил выпускное свидетельство

в июне, а окончательно уволился 1 сентября 1917 г.¹⁰¹ Он же, судя по отчетам в газете, ведал внеучебной культурной программой,

¹⁰⁰ И-ль. Мысли и дела // Листок студентов психоневрологов. 1912. № 33, 4 марта. С. 1–4. Статья была снабжена редакционным примечанием, что она присоединяется к упреку автора студенчеству, но признает в этом и свою вину.

¹⁰¹ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 330. Л. 1, 40, 43.

в его студенческом деле сохранился любопытный документ: удостоверение, что он руководит группой слушательниц на выставке в Пассаже, датированный 29 января 1911 г.¹⁰² Несмотря на то, что в 1913 г. Аронович сообщил, что вышел из редакции газеты¹⁰³, и отдел потерял именную подпись, сам он никуда не исчез. Появился отдел фельетонов (в том числе в стихах) под псевдонимами Нина Бори, Мимоход-Задирай и др., а также театральные репертуар. Порой печатались стихи и проза, сначала сатирическая, а потом импрессионистская. Приведем выдержки из фельетона под названием «Из синей тетрадки», который был помещен за подписью «Неточка» (Не-званова?), поскольку в нем нашли отражение некоторые из затронутых нами тем. Фельетон представляет собой выписки из якобы найденного недалеко от главного здания Института дневника в тетрадке, перевязанной голубой ленточкой и принадлежавшей, очевидно, приезжей наивной студентке:

1 сент. Вчера приехала в Питер. Кой-как устроилась на Стекланной¹⁰⁴. Утром была в Институте. Какая масса зданий!! И Алкогольный, и Педологический, и Анатомический, и...каких только нет? Сразу и названия-то не запомнишь. Товарищ Степан говорит, что к будущему году еще 40 зданий построят. Вот это я понимаю! 2 сент. Говорят, что зданий будет не сорок, а сто сорок. <...> 20 сент. Сегодня встретила в Ин-те Балалайкина. Он сказал, что все мы должны быть счастливы, что поступили в Пс.-Н. Инст., так как один из наших профессоров не сегодня-завтра произведет целый переворот в науках своей теорией экстраординарно-импотенциального интегрирования воле-энергетических дифференциалов. <...> 24 сент. Совет профессоров вошел с ходатайством в мини-во о предоставлении нам прав. <очевидно, на государственные экзамены. — Г.О.> <...> 15 окт. Сходкин заявил, что каждый марксист должен быть против прав. Только мешане да буржуи могут быть с автономистами. Оказывается, в «Капитале» есть глава, где предсказывается появление нашего Инст-та. Там всё сказано. <...> 29 окт. Решено ввести новый минимум на общеобразовательном факультете. Кроме астрономии, формагнозии <так!> и алхимии, туда войдут ритмическая гимнастика и огородничество. Какие мы счастливые: теперь мы будем самые образованные! <...> 3 нояб. Скоро по Первому Лучу будет проведен трамвай. Сходкин говорит, на нем позволят ездить только принципиально. <...> 11 дек. Оказывается, между на-

¹⁰² Там же. Л. 21.

¹⁰³ Аронович А. Письмо в редакцию // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 13, 16 нояб. С. 3.

¹⁰⁴ Улица в Невском районе, недалеко от здания Института.

шим Институтом и эпохой Возрождения существует самая тесная зависимость. Тогда было возрождение человека, гуманность... а у нас тоже изучение человека... Вот у проф. Пышнословцева складно об этом выходило, а я никак не могу передать. Но все-таки мы, значит, гуманисты¹⁰⁵.

Г. В. Крылов

Основным поэтом «Откликов нашей жизни» был студент Медицинского факультета (поступил в 1909, уволен за невзнос платы в 1914), сын лишенного сана самарского священника и недоучившийся семинарист Георгий Вениаминович Крылов (1887 г.р., который потом печатался и в «Жизни студентов-психоневрологов»). Его стихо-творная продукция не выходила за рамки популяризации достижений модернизма: «Где-то плакали свирели / Вдалеке; / Тени нежные бледнели / На реке...» и т.д. Вот пример его работы с популярным топосом:

«В моем сердце печаль и веселье, / Трепет жгучих, полдневных лучей. / И из них я совью ожерелье / Для тебя, для царицы моей...»¹⁰⁶; вот упражнение на модные дактилические рифмы: «Увядали розы алые, / Умиralи сказки нежные. / Тучки темные, усталые, / Уплывали в даль безбрежную...»¹⁰⁷ и т.п. Кроме того, в газете регулярно появлялись стихи под псевдонимами Гео, Степная, Кара-Георгий, но в нашем распоряжении находятся сведения только о студентах, подписывавшихся собственными именами. Например, Вера Лейбовна Слонимская (1886 г.р.), поместившая в «Откликах» стихотворение «Ива» («Ива печальная, ива плакучая / В парке заброшенном тихо растет...»¹⁰⁸), судя по всему, отношения к столичным Слонимским не имела, будучи дочерью фотографа из Шавли. До поступления в ПСНИ в 1909 г., где она с перерывами проучилась по крайней мере до 1913 г. и выбыла ввиду усиленных занятий в консерватории, она посещала одесские Высшие женские курсы, а в Новороссийском университете даже получила специальность аптекарского помощника¹⁰⁹. Изредка в газете помещал

¹⁰⁵ Отклики нашей жизни. 1913. № 16, 29 янв. С. 2–3.

¹⁰⁶ Оба текста см.: Отклики нашей жизни. 1913. № 16, 29 янв. С. 2.

¹⁰⁷ Отклики нашей жизни. 1913. № 17, 6 февр. С. 2.

¹⁰⁸ Отклики нашей жизни. 1913. № 20, 12 марта. С. 2.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8704. Л. 1, 4, 10, 14, 16.

свои стихотворения Лев Моисеевич Штейнцайг (1893 г.р.)¹¹⁰, родом из Шлиссельбурга, поступивший в 1913 г. и проучившийся до сентября 1914 г., после чего служил в пехоте и, после демобилизации по указу Совнаркома, восстановился в ПСНИ в октябре 1918 г.¹¹¹

Третий орган институтского студенчества, «Жизнь студентов психоневрологов: Газетка студентов и слушательниц Психоневрологического института», выходил сразу после закрытия «Откликов», с ноября 1913 по март 1914 г. Издателем был Николай

Михайлович Щелкунов (1891 г.р.), который дважды подавал прошение о приеме, в первый раз в 1910, но, судя по зачетной книжке, студентом стал лишь осенью 1913 г. и пробыл в таковом качестве до января 1915 г. (очевидно, оставшись на Основном факультете)¹¹². Ответственным редактором первых тринадцати номеров газеты был уже известный нам Иван Никанорович Никулин (1886 г.р.), из казаков, работал учителем в Терской области, закончив до того Александровский Учительский институт. Он поступил в 1910 г., но учился вяло, по крайней мере до осени 1915 г., документы

¹¹⁰ См., например: *Штейнцайг Л.* Ноктюрн («Когда на землю вечер спускается...»); Песни города («Песни города — песни тяжелые...») // *Отклики нашей жизни.* 1913. № 22, 25 сент. С. 2; *Nocturno* («Бледно-знойная, нежно душистая...») // *Жизнь студентов психоневрологов.* 1913. № 7, 26 окт. С. 4.

¹¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 10932. Л. 4, 9, 10. В деле сохранилась справка от 21 июня 1918 г. из шлиссельбуржского Совета депутатов о том, что демобилизованный солдат Штейнцайг следует для кумысолечения в пределы Казанской губернии (Л. 5).

¹¹² ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11050. Л. 3, 4, 23. Судя по студенческому делу, дворянин Щелкунов испытывал немалые сложности с оплатой за обучение, а кроме того, был не чужд симпатий к революционерам — при обыске у него изъяли револьвер и десять брошюр тенденциозного содержания (Там же. Л. 12, 13).

И. Н. Никулин

заканчиваются в 1916 г.¹¹³ Никулин живо интересовался не только современной литературой и организовал посвященный ей кружок (см. выше), но и призывал собирать современную народную поэзию¹¹⁴. По составу своих материалов «Жизнь» мало отличалась от «Откликов», где был найден удачный формат студенческого журнала, в котором сочетались проблемные статьи, информация о текущем

учебном процессе и событиях студенческой жизни, приводились сведения о культурной жизни столицы и новых книгах, а также немного поэзии (среди поэтов были знакомые нам имена: Амен, Пинес, Штайнцайг, Крылов¹¹⁵) и порой фельетон¹¹⁶.

С четырнадцатого номера (20 ноября 1913 г.) ответственным редактором стал Николай Петрович Башенин (1881 г.р.¹¹⁷), и в газете сразу стали заметны тексты общественной ориентации, в том числе

¹¹³ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 6790. Л. 3–4 об., 6, 9–9 об. В деле находятся два запроса от атамана Николаевской станицы с просьбой сообщить, состоит ли казак Никулин студентом (Л. 25 и 35).

¹¹⁴ См его статью «Об изучении современной народной поэзии» (Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 4, 16 окт. С. 3). Он и сам писал стихи — опубликованное непосредственно сразу за ней стихотворение «Глаза» («Лишь откроет ресницы, / На меня из-под них / Смотрит небо Денницы...» и т.д.) подписано И.Н.

¹¹⁵ Иногда на страницах газеты возникал даже стихотворный диалог, см.: *Николай Назанский. Утром (Георгию Крылову)* // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 19, 5 февр. С. 5.

¹¹⁶ Несмотря на отсутствие регулярного отдела библиографии, в газете появлялись единичные обзоры новинок. См., например, статью, где вдумчиво реферировалось содержание журналов «София», «Русская икона», выходившего в Париже «Гелиоса», а также «Искусство в Южной России» (*А. Арц. Новые художественные журналы // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 30, 15 марта. С. 2; № 31, 19 марта. С. 2*). Судя по объявлениям, книги для отзывов всё же поступали. Например, в номере от 1 марта 1914 г. сообщалось о присылке книги Антона Сибиряка «Стихи» (изд. литературного общества «Агс», 32 стр., 25 коп., указатель Тарасенкова-Турчинского добавляет к этому информацию о тираже в 1000 экз.).

¹¹⁷ Как и Сорокин, Башенин посещал Черняевские Общеобразовательные курсы; по косвенным данным можно заключить, что в ПСНИ поступил в 1912 г., а в феврале 1915 подал прошение о зачислении на Юридический факультет. Правда, в 1915 г. он уже заведовал складом подвижного госпиталя Всероссийского Городского Союза в Сибирском врачебно-питательном отряде (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 505. Л. 5–5 об., 6, 22).

и в стихах¹¹⁸. Это хорошо иллюстрирует эпизод с реакцией на выступление в ПСНИ футуристов. А. Лацис вспоминала, что в первый же год пребывания в ПСНИ ей «посчастливилось видеть Всеволода Мейерхольда, Федора Шаляпина и Владимира Маяковского»: «Поэт был частым гостем в нашем институте. Он приходил в своей знаменитой желтой кофте без пояса; один угол воротничка был острый, другой закругленный. Я была горячей поклонницей поэта. Его умение меткой фразой сразить филистеров наповал покоряло — ведь я с детства ненавидела обывателей»¹¹⁹. По составленной В.А. Катаняном «Хронике жизни и деятельности» Маяковского, поэт трижды выступал в ПСНИ¹²⁰, но откликов в студенческой газете удостоилось последнее его выступление 24 ноября 1913 г.¹²¹, причем слово было предоставлено студентам совершенно иных, нежели у Лацис, настроений. Первая статья, «Футуризм и студенчество», была написана Пантелеймоном Ивановичем Гребенщиковым (1887 г.р.¹²²), который, сознавая, что сам он «принципиальный противник футуризма», всё же осуждал поведение своих товарищей на вечере футуристов:

Можно по-разному относиться к футуризму: то видеть в нем беспочвенные, безыдейные мечтания <...> то принимать его как болезненное порождение современного строя <...>. Но, как бы то ни было, справедливость прежде всего. Футуристов позвали к нам, и с того момента, как они вступили в стены нашего института, они наши гости и, как таковые, вправе ожидать от студенчества надлежащего отношения. К сожалению, они ошиблись. Аудитории, встречающие громом аплодисментов «народолюбивые» речи наших ораторов, всегда ратующие за независимость человеческой личности, любовно настроенные к ее переживаниям, превратили футуристские выступления в балаган, а самих участников в клоунов, забыв совсем о человеческом достоинстве, о справедливости и беспристрастии.

¹¹⁸ А.К. Не могу молчать (Великой памяти Великого Учителя) // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 14, 20 нояб. С. 1; Юноше (П.Ф. Якубовича) // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 15–16, 27 нояб. С. 3.

¹¹⁹ Лацис А. Красная гвоздика. С. 32.

¹²⁰ Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. М., 1985. С. 76.

¹²¹ В откликах в столичных газетах указывалось, что выступление было организовано тверским землячеством, см.: Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Кн. 2. М., 2010. С. 245.

¹²² Гребенщиков поучился в Петербургском Университете и в 1911 г. сразу подал прошение на словесно-исторический факультет, однако уже в апреле 1914 г. после обыска был в составе большой группы студентов арестован, выслан в Тобольск под надзор полиции и, соответственно, уволен из числа студентов 1 сентября того же года. Это была не первая высылка Гребенщикова, он уже побывал в Тобольске в 1911 г., и в этом, очевидно, кроется причина его поступления в ПСНИ (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2605. Л. 1, 3, 4, 13).

Шум, крики, оскорбительные замечания, аплодисменты и вновь оскорбления — вот картина, развернувшаяся взору в памятный для института футуристский день¹²³.

В самом деле, отношение этой части студенчества к выступлению и к футуризму в целом хорошо видно и в помещенном в том же номере сатирическом стихотворении, подписанном буквой К.:

Словно свет перевернулся,
 Всё пошло вверх дном:
 Обнаглены, оголены
 Всюду и кругом.
 То появится в витрине
 «Дохлая луна»¹²⁴,
 То ломается на сцене
 Голая «она».
 Там, где прежде появлялся
 Лишь ученых светлый ряд,
 Там теперь мы можем видеть
 Целый пестрый маскарад.
 Без отчета подаваясь
 Грому слова «бис»,
 Поднимают футуристы
 Гордый свой девиз:
 «Слову пленному свобода!
 Для искусства мысли нет!»
 Вот и слово оголили...
 Аплодируйте в ответ!
 Обнаглены, оголены...
 Может, доживем,
 Что прикажет нам «искусство»
 Закопать живьем
 Правду, совесть, справедливость.
 Что же, не беда...
 Аплодируйте! Ведь легче
 Будет жить тогда!¹²⁵

В следующем номере газеты появилась еще одна возмущенная заметка, подписанная криптонимом:

¹²³ Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 15–16, 27 нояб. С. 3–4. Текст целиком приводится в кн.: *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932. С. 245–246.

¹²⁴ Название футуристического сборника, вышедшего в издательстве «Гилея» осенью 1913 г.

¹²⁵ Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 15–16, 27 нояб. С. 8 (печатается с исправлением опечаток).

Аудитория переполнена. Бритый человек в желтой кофте спокойно-торжественным голосом вещает: из искусства нужно выбросить мысли и оставить одни слова; слова нужно признать самоцелью; художник не должен вкладывать идеи в свое произведение, он может только жонглировать звуками, словами и понятиями. Вот — символ веры футуризма.

Пушкин и Некрасов высказывали великие мысли, они «глаголом жгли сердца» — поэтому они не нужны нам, служителям искусства XX в. — глаголят футуристы.

Пушкин и Некрасов — маленькие дети, а они, Маяковский и Крученых, истинные поэты, пророки будущего — гордо заявляет желтая кофта.

Смешно и грустно и мерзко было на душе после этой лекции.

Смешно было смотреть, как взрослый человек наряжался в какой-то особый костюм и был доволен тем, что на него обратили внимание; смешно было слушать, как субъект в образе человека начинал лаять, предполагая, что он читает стихи истинного поэта.

Грустно было потому, что время уходило попусту и у тебя, и у этих нескольких сот товарищей; грустно было и потому, что студенчество из-за простого любопытства просиживает в аудитории по целому дню и смотрит, как человек в желтой кофте исполняет роль рыжего в литературе (этим званием г. Маяковский гордится!); грустно и потому, что ради материальных выгод студенчество устраивает подобные зрелища.

На этом информативная часть статьи заканчивается, далее следует ряд эмоциональных рассуждений, знакомых по другим реакциям на выступления футуристов («истинные служители реакции», «явление, с которым приходится считаться врачам-психиатрам»), и лишь в конце автор косвенным образом дал понять, что на этом вечере Маяковский читал стихотворение «Несколько слов о себе самом»:

Не страшно ли слышать от г.г. поэтов, изгоняющих мысль
из поэзии, такие стихи:

Я люблю смотреть,
Как умирают дети...

Это что — бессмыслица или просто садизм?¹²⁶

¹²⁶ *Фе-дэ*. Впечатление от лекции о футуризме // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 17, 30 нояб. С. 2–3. Текст статьи целиком приводится в работе: *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932. Т. 1. Кн. 2. С. 246. Заметим, что 7 марта 1914 г. лекцию «Мнимый футуризм» прочел и профессор ПСНИ В.Н. Сперанский (см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). Т. 1: Боевое десятилетие. СПб., 1996. С. 186).

Второе литературное событие, состоявшееся в Институте, диспут 8 февраля 1914 г. после доклада В.Л. Львова-Рогачевского «Символизм и реализм», известен в научной литературе по акмеизму. О лекции студенты были оповещены заранее через ту же газету¹²⁷, так что вечер удался, о чем свидетельствует появление в студенческой газете сразу двух отчетов, оба под скромным названием «Литературный диспут». Первый был подписан псевдонимом Рем, для разгадки которого пока слишком мало данных¹²⁸. Этот обзор диспута, где выступали Львов-Рогачевский, «который доказывал полный кризис русской литературы и возвещал рассвет “здорового реализма”», Аничков, Чулков, философ Б.Г. Столпнер, а также Городецкий, чьи стихи неожиданно были признаны Аничковым за символизм, а Розачевским за реализм, — довольно сжатый. По его прочтении создается впечатление, что Рему проблематика диспута вообще показалась надуманной: «После всего этого невольно хочется воскликнуть: — Да нет же никакого кризиса русской литературы!»¹²⁹ Гораздо более обстоятельной была вторая статья о том же диспуте с подробным изложением происходившего, подписанная Г. Болтянским. Из его обзора следует, что после Городецкого говорил Гумилев, который назвал символизм «боваризмом»¹³⁰, стремлением к недоступному, чему противостоит акмеизм, который стремится к действию. Подробнее освещена полемика между Чулковым и Л.И. Ортодоксом (псевдоним известной меньшевистской публицистки Л.И. Аксельрод), выступление которой вообще не было упомянуто Ремом, по поводу импрессионизма. Среди прочего Болтянский назвал имена студентов Малкина и Гребенщикова, которые выступали в прениях. С последним мы уже знакомы, а из шести студентов Малкиных, на

¹²⁷ См.: Хроника. Литературный диспут // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 19, 5 февр. С. 6. Сообщение полностью приводится в кн.: Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан; вступ. ст., примеч. О.А. Лекманова. СПб., 2014. С. 344.

¹²⁸ При недавней перепечатке этой заметки составители приписали ее московскому поэту, члену «молодого Мусагета» Дмитрию Рему (А.А. Баранову), что вызывает сомнения (см.: Акмеизм в критике. С. 349). Единственное, что можно пока сказать с уверенностью, — автор был студентом ПСНИ: тем же псевдонимом подписана статья «После вакансий», где автор об институте говорит как о своей alma mater и со знанием дела рассуждается о студенческих делах (Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 18, 1 февр. С. 2).

¹²⁹ Рем. Литературный диспут // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 21, 12 февр. С. 1.

¹³⁰ О «боваризме» акмеизма как о «мечте о преображенной жизни» (от имени заглавного персонажа романа Флобера) Гумилев говорил и в своем выступлении на вечере акмеистов 25 апреля 1914 г. во Всероссийском Литературном обществе, см.: *Мец А.Г.* Эпизод из истории акмеизма // Пятые Тьняновские Читения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 114–115; здесь же в качестве комментария приводится соответствующий фрагмент из рецензии Болтянского, но без указания имени автора.

которых в институтском архиве сохранились дела, по датам подходят только Берк Хаймович, поступивший в 1912 г., и ставший студентом годом позже Бар (Борис) Липович¹³¹. Отметим, что незадолго до этого в той же газете Г. Болтянский опубликовал стихотворение «Памяти Комиссаржевской» («Ты нежной лилией, белой, прекрасной / Недавно цвела среди нас...») и рядом поместил заметку под тем же заглавием, в которой рассказал, как в 1910 г. послал артистке, совершавшей турне, письмо с просьбой посетить Павлоград, где он тогда находился, и что Комиссаржевская ему ответила¹³². Несмотря на то, что студенческое дело на эту фамилию в архиве не сохранилось, с уверенностью можно предположить, что все эти материалы принадлежат будущему кинорежиссеру Григорию Моисеевичу Болтянскому (1885–1953), создателю советской кинодокументалистики¹³³. Болтянский оставил мемуары о своей деятельности под названием «Великая Октябрьская социалистическая революция и рождение советского киноискусства», где Психоневрологический институт не упоминается. Этого можно было бы ожидать от очерка деятельности Болтянского, написанного другим классиком советского кино, Дзигой Вертовым, поскольку Давид Абелевич Кауфман (настоящее имя Вертова) также, хотя и позднее, учился в Психоневрологическом институте¹³⁴, но и он никак не обратил на этот факт внимания. Заметим всё же, что, по сведениям Вертова, Болтянский печатался в петроградской рабочей прессе уже с 1913 г.¹³⁵

Последние два имени приводят нас к обзору иных, не связанных с литературой деятелей культуры, в становлении которых можно выявить роль Психоневрологического института, но это может стать предметом отдельного внимания.

¹³¹ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 6138 и 6155.

¹³² Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 20, 8 февр. С. 1–2.

¹³³ В частности, как пишет исследователь его деятельности, Болтянский снял первую хронику революции, фильм «Октябрьский переворот», кадры из которого разошлись по многочисленным лентам. С 1925 г. режиссер написал ряд книг, одна из которых, «Ленин и кино», стала известной в широких кругах благодаря фразе из опубликованного там письма Ленина к Луначарскому, что «из всех искусств важнейшим для нас является кино» (см. подробнее: *Листов В. И* долгие века длится синема. М., 2007. С. 214–218). Именно любезному сообщению Виктора Семеновича Листова, переписывавшегося со вдовой режиссера, мы обязаны информацией о том, что в молодости Болтянский учился в ПСНИ.

¹³⁴ *Дзига Вертов*. Творческая деятельность Г.М. Болтянского // Из истории кино: Материалы и документы. М., 1959. Т. 2. С. 63–67; здесь же опубликованы мемуары Болтянского (С. 68–116). Кауфман-Вертов поступил в ПСНИ в 1915 г. и по крайней мере до лета 1917 г. числился студентом (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4048. Л. 3, 18, 18 об.).

¹³⁵ *Дзига Вертов*. Творческая деятельность Г.М. Болтянского. С. 64.

Литература

Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В.М. Бехтерева на документальных материалах. СПб.: Санкт-Петербургский научно-иссл. психоневрологический ин-т им. В.М. Бехтерева, 2002. Ч. 1. 267 с.

Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан; вступ. ст., примеч. О.А. Лекманова. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. 544 с.

Андреев И.В. Жизненный финал М.Я. Острогорского // Общество — Язык — Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. М.: Петруруш, 2008. Т. 2.

Асса Новикова. «Психология революции»: «самый вольный институт» в эпоху мятежей. URL: <https://newtonew.com/higher/most-free-institute> (дата обращения: 05.10.2018).

Белоус В.Г. «Ближайший и многолетний сотрудник мой по историко-литературным работам». О Дмитрие Михайловиче Пинесе (1891–1937) // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. II / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб., 1998. С. 217–227.

Богомолов Н.А. «Проект “Акмеизм”» // НЛЮ. 2002. № 58. С. 140–180.

Василенко В.В. Некоторые штрихи к историческому портрету П.А. Сорокина // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 373–387.

Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1: 1889–1922. Архангельск, 2008. 432 с.

Дойков Ю.В. Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 60–68.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. 392 с.

Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. М.: Советский писатель, 1985. 645 с.

Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. М.: Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина; Российская политическая энциклопедия, 2008. 208 с.

Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). Т. 1: Боевое десятилетие. СПб.: Новое литературное обозрение, 1996. 320 с.

Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1104 с.

Лариса Рейснер в воспоминаниях современников / Сост., примеч. и вступ. ст. А. Наумовой. М.: Советский писатель, 1969. 199 с.

Лацис А. Красная гвоздика: Воспоминания. Рига: Лиесма, 1984. 183 с.

Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 7–162.

Мария Степановна Волошина о Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма. Феодосия; М.: Коктебель, 2004. 400 с.

Матышев А.А. Энциклопедия репрессированных авторов. Т. IV. Ч. 2. СПб.: Автор, 2016. 668 с.

Мец А.Г. Эпизод из истории акмеизма // Пятые Тыняновские Чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 111–130.

Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге: XIX — начало XX века. Сборник документов. СПб.: Лики России, 2000. 359 с.

Незнанов Н.Г., Акименко М.А., Коцюбинский А.П. Школа В.М. Бехтерева: От психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. СПб.: Изд-во ВВМ, 2007. 248 с.

Обатнин Г. Блок в «Бродячей собаке» // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 499–502.

Палей А.Р. Встречи на длинном пути: Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. 256 с.

Письма А.Е. Адалис к М.М. Шапской / Публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 316–351.

Письма к Густаву Шпету Г.И. Челпанова, Л.И. Шестова, Б.В. Яковенко, Р.О. Яковсона и др. / Публ., предисл. и коммент. И. Чубарова // Логос. 1992. № 3. С. 243–263.

Пржиборовская Г. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия, 2008. 512 с.

Рейснер Л. Автобиографический роман / Вступ. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской; Характеристика источников Т.Г. Динесман; Примеч. Н.А. Такташевой // Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 190–259.

Семенова Н. Жизнь и коллекция Сергея Щукина. М.: Трилистник, 2002. 176 с.

Соболев А.Л. Летейская библиотека: Биографические очерки. М.: Труть, 2013. 944 с.

Тименчик Р.Д. Подземные классики: Иннокетний Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2017. 776 с.

Шапская М.М. Вторая автобиография (1952) // Шапская М.М. Час вечерний: Стихи. СПб.: Лимбус пресс, 2000. 191 с.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

Эльзон М.Д. I. Об авторстве «Русской поэзии в русской музыке» Игоря Глебова. II. Об одном инскрипте на «Словарном указателе...» А.В. Мезьер // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. Вып. 4. СПб.: РНБ, 1994. С. 177–179.

Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин страны Гонгури // Мосты. 2015. № 45. С. 240–340.

Ярошевский М.Г., Даниличева Н.А. Первый в мире научно-учебный центр человековедения (К истории Петербургского психоневрологического университета) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 4. С. 82–88.

De profundis (Письма Д.М. Пинеса к А.Н. Римскому-Корсакову) / Публ. М.Д. Эльзона // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. Вып. 4. СПб.: РНБ, 1994. С. 129–157.

Lucas v. Leiden. Стихи филологов. I. Дмитрий Пинес. URL: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149906.html>; <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149510.html#cutid1> (дата обращения: 05.10.2018).

References

Akimenko M.A., Shereshevskii A.M. *Istorii instituta imeni V.M. Bekhtereva na dokumental'nykh materialakh* [History of the Bekhterev Institute based on documentary materials]. St. Petersburg, Bekhterev Psychoneurological Institute Publ., 2002. Part 1. 267 p. (In Russ.)

Akmeizm v kritike. 1913–1917 [Acmeism in criticism. 1913–1917], comp. by O.A. Lekmanov and A.A. Chaban, intro. and comment. by O.A. Lekmanov. St. Petersburg, Academy for the Humanities Publ., Timofey Markov Publ., 2014. 544 p. (In Russ.)

Andreev I.V. Zhiznennyi final M.Ia. Ostrogorskogo [The end of M.Ya. Ostrogorsky's life]. *Obshchestvo — iazyk — Kul'tura: Aktual'nye problemy vzaimodeistviia v XXI veke* [Society — Language — Culture: Actual problems of interaction in the 21st century]. Moscow, Petrush Publ., 2008. Vol. 2. (In Russ.)

Assa Novikova. “*Psikhologiiia revoliutsii*”: “*samyi vol'nyi institut*” v *epokhu miatezhei* [“The psychology of revolution”: “the most liberal institute” in the insurrection era]. Available at: <https://newtonew.com/higher/most-free-institute> (accessed 05.10.2018). (In Russ.)

Belous V.G. “Blizhaishii i mnogoletnii sotrudnik moi po istoriko-literaturnym rabotam”. O Dmitrii Mikhailoviche Pineze (1891–1937) [“The closest and long-term colleague of my historical and literary works”. About Dmitry Mikhailovich Pines (1891–1937)]. *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture. Publikatsii i issledovaniia. Vyp. II* [Ivanov-Razumnik: Personality. Works. Role in culture. Issue. II], comp. by V.G. Belous. St. Petersburg, 1998, pp. 217–227. (In Russ.)

Bogomolov N.A. “Proekt ‘Akmeizm’” [The “Acmeism” project]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 58, pp. 140–180. (In Russ.)

De profundis (Pis'ma D.M. Pinesa k A.N. Rimskomu-Korsakovu) [De profundis (D.M. Pines' letters to A.N. Rimsky-Korsakov)], publ. by M.D. Elzon. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia: Sb. nauchnykh trudov. Vyp. 4* [Historical-bibliographical studies: A collection of research papers. Issue. 4]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 1994, pp. 129–157. (In Russ.)

Doikov Iu. *Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiia* [Pitirim Sorokin. A man out of season. Biography]. Vol. 1: 1889–1922. Arkhangelsk, 2008. 432 p. (In Russ.)

Doikov Iu.V. Materialy Pitirima Sorokina v Pushkinskom Dome [Pitirim Sorokin materials in the Pushkin House]. *Otechestvennye arkhivy*, 1995, no. 6, pp. 60–68. (In Russ.)

El'zon M.D. I. Ob avtorstve “Russkoi poezii v russkoi muzyke” Igoria Glebova. II. Ob odnom inskripte na “Slovarnom ukazatele...” A.V. Mez'er [I. On the authorship

of “Russian poetry in Russian music” by Igor Glebov. II. About the inscription on the “Dictionary Index ...” by A.V. Mezier]. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia: Sb. nauchnykh trudov. Vyp. 4* [Historical and bibliographic studies: A collection of scientific papers. Issue 4]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 1994, pp. 177–179. (In Russ.)

Iarantsev V. Vivian Itin. Grazhdanin strany Gonguri [Vivian Itin. A citizen of Gonguri]. *Mosty*, 2015, no. 45, pp. 240–340. (In Russ.)

Iaroshevskii M.G., Danilicheva N.A. Pervyi v mire nauchno-uchebnyi tsentr chelovekovedeniia (K istorii Peterburgskogo psikhonevrologicheskogo universiteta) [The world's first scientific and educational center for human studies (On the history of St. Petersburg Psychoneurological University)]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1995, no 4, pp. 82–88. (In Russ.)

Ivanov A.E. *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Higher School of Russia in the late 19th — early 20th century]. Moscow, 1991. 392 p. (In Russ.)

Katanian V.A. *Maiakovskii: Khronika zhizni i deiatel'nosti* [Mayakovsky: Chronicle of life and works], ed. by A.E. Parnis. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 645 p. (In Russ.)

Krumm R. *Isaak Babel': Biografiia* [Isaac Babel: Biography]. Moscow, Boris Yeltsin Foundation Publ., Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard: 1907–1932 (Istoricheskii obzor). T. 1: Boevoe desiatiletie* [Russian avant-garde: 1907–1932 (Historical review). Vol. 1: Fighting decade]. St. Petersburg, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 320 p. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard: 1907–1932. Istoricheskii obzor. T. 1. Kn. 2* [Russian avant-garde: 1907–1932. Historical review. Vol. 1. Book 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)

Larisa Reisner v vospominaniakh sovremennikov [Larisa Reisner in the memoirs of contemporaries], comp., notes and intro. by A. Naumova. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1969. 199 p. (In Russ.)

Latsis A. *Krasnaia gvozdika: Vospominaniia* [Red carnation: Memoirs]. Riga, Liesma Publ., 1984. 183 p. (In Russ.)

Loks K. Povest' ob odnom desiatiletii (1907–1917) [A tale of one decade (1907–1917)], publ. by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. Vyp. 15* [The Past: Historical almanac. Issue 15]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 7–162. (In Russ.)

Lucas v. Leiden. *Stikhi filologov. I. Dmitrii Pines* [Poems by philologists. I. Dmitry Pines]. Available at: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149906.html>; <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149510.html#cutid1> (accessed 05.10.2018). (In Russ.)

Mariia Stepanovna Voloshina o Makse, o Koktebele, o sebe: Vospominaniia. Pis'ma [Maria Stepanovna Voloshina about Max, about Koktebel, about herself: Memoirs. Letters]. Feodosia, Moscow, Koktebel' Publ., 2004. 400 p. (In Russ.)

Matyshev A.A. *Entsiklopediia repressirovannykh avtorov. T. IV. Ch. 2* [Encyclopedia of purged writers. Vol. IV. Part 2]. St. Petersburg, Avtor Publ., 2016. 668 p. (In Russ.)

Mets A.G. Epizod iz istorii akmeizma [An episode from the history of Acmeism]. *Piatye Tynyanovskie Chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [Fifth Tynyanov Proceedings: Abstracts and materials for discussion]. Riga, 1990, pp. 111–130. (In Russ.)

Nachal'noe i srednee obrazovanie v Sankt-Peterburge: XIX — nachalo XX veka. Sbornik dokumentov [Primary and secondary education in St. Petersburg: 19th — early 20th century. A collection of documents]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2000. 359 p. (In Russ.)

Neznanov N.G., Akimenko M.A., Kotsiubinskii A.P. *Shkola V.M. Bekhtereva: Ot psikhonevrologii k biopsikhosotsial'noi paradigme* [V.M. Bekhterev's school: From psychoneurology to the biopsychosocial paradigm]. St. Petersburg, VVM Publ., 2007. 248 p. (In Russ.)

Obatnin G. Blok v “Brodiachei sobake” [Blok in “Stray Dog”]. *Permiakovskii sbornik. Ch. 2* [Permyakov collection. Part 2]. Moscow, 2010, pp. 499–502. (In Russ.)

Palei A.R. *Vstrechi na dlennom puti: Vospominaniia* [Encounters on a long way: Memoirs]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 256 p. (In Russ.)

Pis'ma A.E. Adalis k M.M. Shkapskoi [A.E. Adalis' letters to M.M. Shkapskaya], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minuvshie: Istoricheskii al'manakh. Vyp. 13* [The past: Historical almanac. Issue 13]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 316–351. (In Russ.)

Pis'ma k Gustavu Shpetu G.I. Chelpanova, L.I. Shestova, B.V. Iakovenko, R.O. Iakobsona i dr. [Letters to Gustav Shpet by G.I. Chelpanov, L.I. Shestov, B.V. Yakovenko, R.O. Jakobson and others], publ., intro. and comment. by I. Chubarov. *Logos*, 1992, no. 3, pp. 243–263. (In Russ.)

Przhiborovskaia G. *Larisa Reisner*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 512 p. (In Russ.)

Reisner L. Avtobiograficheskii roman [Autobiographical novel], intro. and publ. by A.I. Naumova and G.A. Przhiborovskaya; Source characteristic by T.G. Dinesman; notes by N.A. Taktasheva. *Literaturnoe nasledstvo. T. 93: Iz istorii sovetskoi literatury 1920–1930-kh godov: Novye materialy i issledovaniia* [Literary heritage. Vol. 93: From the history of Soviet literature of the 1920–1930s: New materials and studies]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 190–259. (In Russ.)

Semenova N. *Zhizn' i kolleksiia Sergeia Shchukina* [Life and collection of Sergei Shchukin]. Moscow, Trilistnik Publ., 2002. 176 p. (In Russ.)

Shkapskaia M.M. Vtoraia avtobiografiia (1952) [Second autobiography (1952)]. Shkapskaia M.M. *Chas vechernii: Stikhi* [Evening hour: Poems]. St. Petersburg, Limbus press Publ., 2000. 191 p. (In Russ.)

Shruba M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg, 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. Leteiskaia biblioteka: Biograficheskie ocherki [Lethe library: Biographical essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 944 p. (In Russ.)

Timenchik R.D. Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii, Nikolai Gumilev [Underground classics: Innokentiy Annensky, Nikolai Gumilev]. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

Vasilenko V.V. Nekotorye shtrikhi k istoricheskomu portretu P.A. Sorokina [Some touches to the historical portrait of P.A. Sorokin]. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin*, ed. by V.V. Sapov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 373–387. (In Russ.)

**From the literary life of educational institutions
(on the example of the Psycho-Neurological Institute
in St. Peterburg, 1908–1917)**

© 2018, Gennadii Obatnin

Abstract: The article discusses the activities of the Psycho-Neurological Institute in the pre-revolutionary period of its existence as a condition for promoting of the cultural and literary interests of its students. In this regard, the features of the teaching process, such as the inviting of opposition professors who encouraged the organization of student circles, the absence of a percentage rate for Jews in admission and the admission of female students, are considered. Particular attention is paid to the student press, vividly responding to the events of the academic, metropolitan, and Russian life.

Keywords: student life, the history of high education in Russia, Psycho-Neurological Institute.

Information about the author: Gennadii Obatnin, PhD, university lecturer, University of Helsinki, Finland.

E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi.

Citation: Obatnin Gennadii. From the literary life of educational institutions (on the example of the Psycho-Neurological Institute in St. Petersburg, 1908–1917). *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 124–169.